



П И С Ь М А

ПЕРЕЖИВШИЕ

ВОЙНУ

Двое друзей.
Одна мечта.
Одна война.
И письма,
которые пережили
время.

18+

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Али Айтбаев

ПИСЬМО

<https://litres.ru/74200628>

SelfPub; 2026

Аннотация

1939 год.

Руслан приезжает в Польшу, чтобы стать инженером и строить мосты. Там он встречает Эньже — девушку из Татарстана, мечтающую спасти жизни, и Аббаса — друга, который станет ему братом.

Они ещё не знают, что совсем скоро мир, в котором есть лекции, прогулки, первая любовь и юношеские мечты, исчезнет навсегда.

Война разделит их на тысячи километров.

Их единственной связью станут письма.

В каждом новом письме Руслан взрослеет. Его почерк становится увереннее, а ошибок всё меньше. Но вместе с этим всё тяжелее становятся слова, которые приходится писать.

Одни письма дарят надежду.

Другие приходят слишком поздно.

А последнее письмо навсегда изменит жизнь того, кто его прочитает.

«Письма, пережившие войну» — это роман о любви, дружбе и выборе остаться человеком там, где война каждый день пытается отнять у людей всё человеческое.

Али Айтбаев

ПИСЬМО

Глава 1

Глава 1

Дорога в неизвестность

****Любимая**

Не знаю, когда ты прочитаешь это письмо. Надеюсь, скоро. Очень хочется вери

1938 год.

Поезд медленно покидал Алма-Ату.

За окном всё дальше оставались знакомые улицы, тополя и горы, которые Руслан видел каждый день с самого детства. Их вершины ещё долго не исчезали за горизонтом, словно не хотели отпускать своих сыновей.

Руслан сидел у окна и молчал.

На коленях лежал небольшой потёртый чемодан. В нём помещалась почти вся его жизнь: несколько рубашек, тёплый свитер, чертёжные инструменты, пара книг и аккуратно сложенное письмо от матери, которое она попросила открыть только тогда, когда поезд окончательно покинет Казахстан.

Напротив сидел Аббас.

Он, в отличие от друга, не мог усидеть спокойно.

Каждые несколько минут выглядывал в окно, разглядывал

незнакомых пассажиров, что-то насвистывал и без конца задавал вопросы проводнику.

— Представляешь, — сказал он, усаживаясь обратно. — Через неделю мы будем жить в Польше.

Руслан улыбнулся.

— Сначала доехать бы.

— Не ворчи. Ты всегда такой серьёзный?

— Кто-то же должен думать за нас двоих.

Аббас рассмеялся.

— Вот поэтому мы и дружим.

Они познакомились год назад на стройке в Алма-Ате.

Оба подрабатывали летом, чтобы накопить деньги на учёбу.

Сначала спорили из-за того, как правильно класть кирпичи.

Потом вместе носили мешки с цементом.

Через неделю уже ели из одного котелка.

Через месяц стали братьями, хоть кровь у них была разная.

Руслан был казахом.

Аббас — кыргызом.

Но судьбе, кажется, было всё равно.

За окном медленно проплывали степи.

Иногда поезд проходил совсем близко к маленьким аулам.

Дети махали руками уходящему составу.

Аббас тоже помахал им в ответ.

— Знаешь, чего я больше всего хочу?

— Чего?

— Построить дом.

Руслан удивлённо посмотрел на друга.

— Дом?

— Большой. Красивый. Чтобы родители наконец перестали жить в старой хижине. А ты?

Руслан немного помолчал.

— Я хочу построить мост.

— Почему именно мост?

Руслан провёл ладонью по холодному стеклу.

— Потому что хороший мост соединяет людей, которые никогда бы не встретились.

Аббас усмехнулся.

— Даже звучишь как будущий инженер.

— Надеюсь, им и стану.

В вагоне стало тихо.

Стук колёс будто отбивал размеренный ритм новой жизни.

Никто из них ещё не знал, что совсем скоро вместо чертежей им придётся изучать карты фронта.

Вместо строительных касок — носить солдатские каски.

Вместо карандашей — держать винтовки.

Но пока

Пока они были всего лишь двумя юношами, которые ехали навстречу своим мечтам.

Руслан достал из чемодана конверт.

На нём аккуратным почерком было написано всего два слова.

«Моему сыну».

Он осторожно вскрыл письмо.

Внутри лежал сложенный вчетверо лист.

Руслан пробежал глазами первые строки, и уголки его губ дрогнули.

Алма-Ата

Моему дорогому сыну.

Если ты читаешь это письмо, значит, поезд уже далеко, а я, наверное, всё ещё стою на перроне и смотрю ему вслед. Материнское сердце странное: оно долго не может поверить, что ребёнок вырос и однажды должен уехать своей дорогой. Сегодня я не смогла сказать тебе всего, что хотела. Когда ты улыбнулся и обнял меня на прощание, слова словно спрятались. Я очень горжусь тобой. Ты едешь учиться не ради славы и не ради богатства. Ты едешь строить. А люди, которые строят, оставляют после себя не руины, а будущее. Запомни одну вещь. Дом начинается не с первого кирпича. Дом начинается с человека, который решил его построить. Пусть этот человек всегда живёт в тебе. Не забывай писать. Даже если письмо получится коротким. Для матери нет большей радости, чем увидеть почерк своего сына. И ещё Не стыдись просить помощи. Сильный человек — не тот, кто всё делает один. Сильный человек — тот, кто умеет оставаться челове-

ком рядом с другими.

Береги своё сердце.

И не позволяй никому сделать его жестоким. Я буду ждать каждого твоего письма. С любовью,

Мама.

Он ещё не знал, что это письмо станет последним мирным письмом, которое он прочитает в своей жизни.

За окном медленно заходило солнце.

А поезд всё дальше увозил двух друзей навстречу судьбе, которая уже приготовила для них совсем другую дорогу.

Глава 2

Два чемодана

Поезд остановился с тяжёлым скрипом.

За окнами шумел незнакомый вокзал.

Руслан прижал ладонь к стеклу и несколько секунд молча смотрел на людей, спешивших по перрону. Он не понимал ни одного слова, которое звучало вокруг. Польская речь казалась быстрой, непривычной и музыкальной.

— Приехали — тихо сказал Аббас, поправляя кепку.

Руслан кивнул.

— Приехали.

Они спустились на перрон почти последними.

Вокруг пахло угольным дымом, мокрым деревом и свежим хлебом, который продавали прямо у выхода из вокзала.

Аббас глубоко вдохнул.

— Даже воздух другой.

— Или мы просто слишком далеко от дома.

Они переглянулись и улыбнулись.

За спиной у каждого был чемодан.

В одном лежали вещи.

В другом — мечты.

— Куда теперь? — спросил Аббас, доставая сложенный

вчетверо лист.

Руслан развернул письмо из университета.

— Здесь написано общежитие находится в двадцати минутах пешком.

Аббас огляделся.

— Осталось понять, где эти двадцать минут начинаются.

Они рассмеялись.

Первый прохожий лишь развёл руками, не поняв их языка.

Второй попытался объяснить слишком быстро.

Третий оказался пожилым мужчиной, который немного говорил по-русски.

— Студенты?

— Да.

— Инженеры?

Руслан кивнул.

Старик улыбнулся.

— Хорошая профессия. Люди всегда будут строить.

Он указал направление и пожелал удачи.

Руслан поблагодарил его.

Когда они отошли, Аббас тихо сказал:

— Видишь? Мир всё-таки не такой чужой.

Общежитие оказалось старым трёхэтажным зданием из красного кирпича.

На стенах местами облупилась штукатурка.

Во дворе рос огромный каштан.

Под ним несколько студентов играли в шахматы.

Руслан остановился.

— Красиво

— Не дворец, конечно.

— Зато теперь это наш дом.

В комнате их ждали две узкие кровати, деревянный стол, шкаф и окно, выходившее во двор.

Аббас сразу занял кровать возле окна.

— Я первым увидел.

— Как ребёнок.

— Зато честный ребёнок.

Руслан только усмехнулся.

Он поставил чемодан возле своей кровати и медленно пошёл к окну.

Во дворе кто-то смеялся.

Кто-то играл на губной гармошке.

Несколько студентов спорили о чём-то, размахивая руками.

Жизнь кипела.

— Знаешь — сказал Руслан.

— Что?

— Через много лет мы будем вспоминать именно этот день.

Аббас лёг на кровать, заложив руки за голову.

— Конечно.

— Почему ты так уверен?

— Потому что все великие истории начинаются с двух чеданов.

Руслан покачал головой.

— Иногда мне кажется, что ты родился философом.

— Нет.

— Тогда кем?

Аббас посмотрел в потолок и улыбнулся.

— Человеком, которому очень интересно, чем закончится наша история.

Руслан ничего не ответил.

Он ещё не знал, что ответ на этот вопрос уже существовал.

Просто никто из них пока не умел его прочитать.

Pasted image 20260701224338.png

Глава 3

Новая жизнь

Утреннее солнце медленно поднималось над красными крышами города.

Во дворе общежития один за другим появлялись студенты. Кто-то торопливо застёгивал пиджак на ходу, кто-то держал под мышкой книги, кто-то смеялся так громко, будто впереди была не учёба, а праздник.

Руслан поправил воротник рубашки и вышел на улицу.

У входа уже ждал Аббас.

— Опоздал на две минуты, — сказал он, демонстративно взглянув на наручные часы.

— Не успел привыкнуть к польскому времени.

— Запоминай. Теперь встречаемся здесь каждое утро.

Руслан улыбнулся.

— Почему именно здесь?

Аббас поднял голову.

Над главным входом возвышалась башня с большими круглыми часами.

Минутная стрелка медленно приближалась к девяти.

— Потому что эти часы видно почти из любой точки двора. Если потеряемся — встречаемся под ними.

Руслан посмотрел вверх.

— Договорились.

Он ещё не знал, что спустя годы именно эти слова будут эхом звучать в его памяти.

Главные двери университета медленно распахнулись.

Студенты дружной волной вошли внутрь.

Руслан невольно замедлил шаг.

Высокие своды.

Широкие каменные лестницы.

Стены, сложенные из красного кирпича.

Воздух пах старой бумагой, древесиной и свежими чернилами.

Где-то в глубине здания уже слышались голоса преподавателей.

Руслан провёл ладонью по кирпичной стене.

— Посмотри

Аббас остановился.

— На что?

— Кладка.

— Ты серьёзно сейчас любишься кирпичами?

Руслан тихо рассмеялся.

— Видишь арку?

— Вижу.

— Весь её вес держится на одном центральном камне.

Если убрать его

— Всё рухнет?

— Именно.

Аббас покачал головой.

— Кажется, ты действительно родился инженером.

Первая лекция проходила в большой аудитории.

Профессор был уже немолод.

Седые волосы.

Круглые очки.

На кафедре лежал деревянный угольник, несколько свёртков чертежей и толстая книга.

Он внимательно посмотрел на аудиторию.

— Добро пожаловать.

Сегодня передо мной сидят будущие инженеры.

Кто-то из вас будет строить мосты.

Кто-то — больницы.

Кто-то — железные дороги.

Помните одну вещь.

Инженер отвечает не только за здания.

Он отвечает за человеческие жизни.

В аудитории стало необычайно тихо.

Руслан записал эту фразу в свой блокнот.

Сам не понимая почему.

Перемена наступила неожиданно.

Коридоры мгновенно ожили.

Кто-то обсуждал лекцию.

Кто-то спорил.

Кто-то уже успел познакомиться с соседями по комнате.

Аббас, как всегда, оказался в центре разговора.

Через пять минут он уже смеялся вместе с двумя поляками и парнем из Чехословакии, хотя почти никто толком не понимал язык другого.

Руслан наблюдал за ним и улыбался.

— Как ты это делаешь?

— Что именно?

— Знакомишься со всеми за пять минут.

Аббас пожал плечами.

— Очень просто.

Я сначала улыбаюсь.

Потом уже думаю, что сказать.

Руслан покачал головой.

— А я сначала думаю.

— Вот поэтому мы и дополняем друг друга.

Прозвенел звонок.

Студенты снова потянулись к аудиториям.

Руслан машинально поднял голову.

За высоким окном были видны часы на башне.

Стрелки показывали ровно десять.

Он ещё не подозревал, что совсем скоро будет смотреть на эти часы совсем другими глазами.

Глава 4

Под часами

Сентябрь постепенно вступал в свои права.

Утренний воздух становился прохладнее, но солнце всё ещё щедро освещало красные стены университета.

Как и договорились, Руслан пришёл немного раньше.

Он поднял голову.

Башенные часы показывали без десяти девять.

Во дворе уже было многолюдно.

Кто-то спешил на лекции.

Несколько студентов прислонили велосипеды к ограде.

Две девушки оживлённо обсуждали конспекты.

Руслан стоял молча.

Ему нравилось наблюдать.

Он замечал то, на что остальные редко обращали внимание.

Как солнечный свет ложился на кирпичную кладку.

Как голуби устраивались на карнизе башни.

Как минутная стрелка медленно двигалась вперёд.

— Опять изучаешь стены?

Руслан обернулся.

Аббас держал в руках два бумажных стаканчика.

— Что это?

— Кофе.

— Где ты его нашёл?

— Хороший инженер всегда найдёт решение.

Руслан рассмеялся.

— Это относится к инженерии?

— Пока нет.

Но скоро будет.

Они сделали по глотку.

Кофе оказался слишком горячим.

— Когда-нибудь мы будем смеяться над этим утром, —
сказал Аббас.

Руслан ничего не ответил.

Он продолжал смотреть на часы.

Прозвенел университетский колокол.

Толпа студентов одновременно двинулась ко входу.

И в этот момент

Кто-то случайно задел девушку, выходявшую из здания.

Из её рук выскользнули книги.

Одна за другой они рассыпались по каменной лестнице.

Несколько человек прошли мимо.

Кто-то лишь оглянулся.

Руслан, не раздумывая, присел и начал собирать книги.

— Спасибо — тихо сказала девушка.

Он протянул ей последнюю книгу.

На обложке золотыми буквами было написано:

«История европейской архитектуры».

— Любите архитектуру? — спросил Руслан.

Она улыбнулась.

— Люблю красивые здания.

А вы?

Руслан посмотрел на фасад университета.

— Я люблю понимать, почему они стоят.

Девушка посмотрела сначала на него, потом на башню.

— Значит, однажды вы будете их строить.

Руслан слегка смутился.

— Надеюсь.

Она аккуратно взяла книги.

— Спасибо ещё раз.

— Не за что.

Она кивнула и исчезла в потоке студентов.

Руслан ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

— Ну всё — раздался за спиной голос Аббаса.

— Что?

— Поздравляю.

— С чем?

— Ты только что познакомился с причиной начать причёсываться по утрам.

Руслан рассмеялся.

— Перестань.

— Даже имя не спросил.

— Не успел.

Аббас хитро улыбнулся.

— Ничего.

Если судьбе будет угодно, она сама вас познакомит ещё раз.

Руслан поднял голову.

Часы на башне показывали ровно девять.

Колокол ударил ещё раз.

Они вошли в университет.

Не зная, что судьба уже услышала слова Аббаса.

Глава 5

Последний мирный день

Осень окончательно вступила в свои права.

По утрам над университетским двором стелился лёгкий туман. Он медленно рассеивался, когда первые лучи солнца касались красного кирпича старого здания. Студенты спешили на занятия, прижимая к груди книги и свёртки с чертежами.

Руслан и Аббас шли привычной дорогой.

— Когда-нибудь, — сказал Аббас, перепрыгивая через лужу, — мы построим такие здания, что люди будут приезжать смотреть на них со всего мира.

Руслан усмехнулся.

— Главное, чтобы они не развалились через год.

— Вот поэтому ты и будешь считать нагрузки, а я буду рассказывать журналистам, какой я великий инженер.

— Ты уже решил, что станешь знаменитым?

— Конечно.

— А если нет?

Аббас пожал плечами.

— Тогда хотя бы останусь хорошим человеком.

Руслан улыбнулся.

— Это важнее.

Они подошли к университету.

Перед главным входом уже собирались студенты.

Кто-то обсуждал вчерашнюю лекцию.

Кто-то спорил о новых проектах.

Во дворе звенели велосипедные звонки, а из открытых окон доносился запах свежих чернил и мела.

Никто не торопился.

Никто не знал, насколько дорогими однажды станут эти обычные минуты.

На практическом занятии профессор раздал каждому лист ватмана.

— Сегодня вы должны спроектировать небольшой пешеходный мост.

Без подсказок.

Только ваши знания и логика.

Руслан долго смотрел на чистый лист.

Потом уверенно взял карандаш.

Через час его работа была почти закончена.

Профессор остановился возле его стола.

Несколько секунд молча рассматривал чертёж.

— Как вас зовут?

— Руслан.

— Откуда вы?

— Из Алма-Аты.

Профессор кивнул.

— Хороший проект.

Вы думаете не только о том, как построить мост.

Вы думаете о людях, которые будут по нему ходить.

Запомните это.

Настоящий инженер сначала строит для человека.

И только потом — для города.

Руслан молча поблагодарил.

Эти слова он запомнил надолго.

Во время большой перемены Руслан снова увидел девушку.

Она сидела на каменной скамье во внутреннем дворе университета.

Перед ней лежала раскрытая книга.

Она настолько увлеклась чтением, что не заметила, как рядом остановился Руслан.

— Снова архитектура? — спросил он.

Она подняла голову и улыбнулась.

— Снова инженер?

Руслан сел рядом.

— Получается, мы оба любим строить.

— Только по-разному.

Несколько секунд они молчали.

— Я ведь даже не знаю, как тебя зовут, — сказал Руслан.

Она закрыла книгу.

— А если не скажу?

— Тогда придётся угадывать.

— И сколько попыток?

— Пока не угадаю.

Она тихо рассмеялась.

— Нет.

Так неинтересно.

Пусть это останется маленькой тайной.

Руслан покачал головой.

— Значит, придётся заслужить.

— Возможно.

Звонок прервал разговор.

Она поднялась.

— До встречи.

— До встречи.

Руслан проводил её взглядом.

Аббас появился словно из ниоткуда.

— Опять разговаривали?

— Немного.

— Имя узнал?

Руслан вздохнул.

— Нет.

Аббас театрально закрыл лицо ладонью.

— Руслан

Иногда мне кажется, что мосты ты строишь быстрее, чем знакомства.

После занятий солнце уже клонилось к горизонту.

Руслан долго не решался.

Несколько раз проходил мимо женского общежития.
Останавливался.

Снова уходил.

Наконец глубоко вдохнул и подошёл к вахтёрше.

— Простите можно позвать одну студентку?

Через несколько минут на втором этаже открылось окно.

— Руслан?

Он поднял голову.

— Привет.

девушка улыбнулась.

— Что случилось?

— Ничего.

Просто

Хотел увидеть тебя.

Она опёрлась локтями на подоконник.

— Нас сегодня не выпускают.

Руслан с сожалением кивнул.

— Жаль.

Повисла короткая тишина.

Потом он сказал:

— Тогда давай хотя бы немного поговорим.

Никогда не знаешь, что принесёт завтрашний день.

Она внимательно посмотрела на него.

— Какой ты сегодня серьёзный.

— Сам не знаю.

Наверное, просто не хочется, чтобы этот день заканчивал-

ся.

Они разговаривали почти полчаса.

О доме.

О семье.

О любимых книгах.

О том, как оба скучают по родным.

И впервые она сказала:

— Меня зовут Эньже.

Руслан улыбнулся.

— Красивое имя.

— Спасибо.

— Оно тебе очень подходит.

Во дворе постепенно зажигались фонари.

Издалека слышался голос вахтёрши.

— Эньже! Закрывай окно!

Она виновато улыбнулась.

— Похоже, меня уже ищут.

Руслан кивнул.

— Тогда

До завтра?

— До завтра.

Он сделал несколько шагов.

Обернулся.

Она всё ещё стояла у окна.

Он поднял руку.

Она ответила тем же.

Окно медленно закрылось.

Руслан ещё несколько секунд смотрел на него.

Потом развернулся и медленно пошёл к общежитию.

Он не знал, что этот день навсегда останется в его памяти.

Потому что иногда человек проживает своё счастье, даже не подозревая, что оно уже стало воспоминанием.

Глава 6

Сирены

Первое сентября 1939 года встретило Варшаву прохладным утром.

Небо было чистым, без единого облака. Казалось, сама природа не подозревала, что этот день навсегда войдёт в историю.

Руслан проснулся раньше обычного.

Он долго лежал, глядя в потолок комнаты общежития. За окном уже слышались шаги студентов, звон велосипедных колокольчиков и голоса, смешивавшиеся в единый утренний шум.

Аббас перевернулся на другой бок.

— Который час?

— Без четверти восемь.

— Значит, у нас ещё есть пять минут, чтобы опоздать.

Руслан усмехнулся.

— Это только ты умеешь так считать.

— Настоящий инженер должен уметь работать со временем.

— Ты пока работаешь только с оправданиями.

Аббас засмеялся и вскочил с кровати.

Через несколько минут они уже шагали знакомой дорогой к университету.

Во дворе всё было по-прежнему.

Студенты спорили.

Кто-то читал конспект прямо на ходу.

Несколько первокурсников растерянно искали нужную аудиторию.

Возле входа продавали горячие булочки.

Аббас купил две.

Одну молча протянул Руслану.

— За что?

— За то, что сегодня пятница.

— Это повод?

— Для хорошей булочки повод всегда найдётся.

Руслан только покачал головой.

Иногда ему казалось, что Аббас способен найти повод для улыбки даже в самый серый день.

И именно поэтому рядом с ним становилось легче.

Первая лекция началась как обычно.

Профессор чертил на доске сложную схему перекрытий.

Студенты внимательно переписывали каждую линию.

Руслан уже почти закончил чертёж, когда

Где-то далеко раздался протяжный вой.

Он был настолько непривычным, что никто сразу не понял, что произошло.

Профессор замолчал.

Мел выпал из его руки.

Все переглянулись.

Сирена повторилась.

Теперь громче.

Длиннее.

Тревожнее.

В аудитории стало тихо.

Настолько тихо, что было слышно, как где-то в коридоре хлопнула дверь.

Профессор медленно подошёл к окну.

Его лицо изменилось.

Он не обернулся.

Только тихо сказал:

— Всем выйти во двор.

Без паники.

Во дворе уже собрались почти все студенты.

Преподаватели стояли отдельной группой и о чём-то напряжённо разговаривали.

Никто не смеялся.

Даже Аббас молчал.

Руслан поднял голову.

Высоко в небе показались самолёты.

Сначала один.

Потом второй.

Потом десятки.

Они летели слишком низко.

И слишком быстро.

Через несколько секунд где-то вдали прогремел взрыв.

Земля едва заметно дрогнула.

Несколько девушек испуганно переглянулись.

Кто-то прошептал:

— Учения?..

Но в собственный вопрос уже никто не верил.

Главные двери университета открылись.

На лестницу вышел ректор.

Он выглядел так, словно за одно утро постарел на десять лет.

Поднявшись на несколько ступеней, он снял очки.

Долго держал их в руках.

Потом медленно заговорил.

— Дорогие студенты

Сегодня утром германские войска пересекли государственную границу Польши.

Война началась.

Наступила тишина.

Такая тишина, которой Руслан никогда раньше не слышал.

Кто-то нервно рассмеялся.

Смех тут же оборвался.

Одна из девушек закрыла лицо ладонями.

Где-то в толпе повторяли одно и то же:

— Не может быть

— Не может

Ректор продолжил:

— С сегодняшнего дня университет прекращает занятия на неопределённый срок.

Берегите себя.

Берегите своих родных.

И пусть Бог хранит каждого из вас.

Он больше ничего не сказал.

Развернулся.

И медленно вошёл обратно в здание.

Никто не двигался.

Будто все ждали, что сейчас он снова выйдет и скажет, что произошла ошибка.

Но двери больше не открылись.

Руслан почувствовал лёгкое прикосновение.

Он опустил взгляд.

Эньже стояла рядом.

Сама того не замечая, она крепко держала его за руку.

Её пальцы дрожали.

Она смотрела прямо перед собой.

Руслан ничего не сказал.

Он лишь осторожно сжал её ладонь.

Будто хотел сказать:

«Я рядом.»

Через несколько секунд Эньже словно проснулась.

Она быстро отпустила его руку.

Щёки слегка покраснели.

— Прости

прошептала она.

Руслан покачал головой.

— Не за что.

Они снова посмотрели друг на друга.

Но теперь между ними уже не было той лёгкости, что ещё вчера.

Война успела изменить даже молчание.

Студенты начали медленно расходиться.

Кто-то торопился на вокзал.

Кто-то бежал домой.

Кто-то плакал.

Кто-то молча шёл вперёд, не понимая, куда теперь идти.

Руслан, Аббас и Эньже стояли у ворот университета.

Никто из них не хотел произносить первое слово.

Наконец Аббас нарушил тишину.

— Значит

Учёбу придётся отложить.

Руслан долго смотрел на университет.

Ещё вчера ему казалось, что впереди годы лекций, экзаменов и бессонных ночей над чертежами.

Сегодня всё это исчезло за несколько минут.

Он вдруг поймал себя на мысли:

Война не спрашивает, кем ты хотел стать. Она просто решает, кем тебе придётся быть.

Над городом снова завывла сирена.

На этот раз ещё ближе.

Руслан поднял голову.

Ему впервые стало по-настоящему страшно.

Не за себя.

За то, что завтра уже может не быть похожим на вчера.

И он ещё не знал, что больше никогда не войдёт в университет так же беззаботно, как вошёл в него этим утром.

Глава 7

Прощание

Ночь прошла без сна.

Руслан лежал, глядя в потолок общежития.

За окном то и дело выли сирены.

Иногда где-то далеко гремели взрывы.

Потом снова наступала тишина.

Такая тишина, которая пугала сильнее любого шума.

На соседней кровати сидел Аббас.

Он впервые не пытался шутить.

Долго смотрел в окно.

Потом тихо произнёс:

— Не думал, что война звучит именно так.

Руслан повернул голову.

— Как?

— Сначала очень громко.

А потом

слишком тихо.

Руслан ничего не ответил.

Он понял, о чём говорил друг.

Утром они снова пошли к университету.

Привычка оказалась сильнее страха.

Дорога была той же.

Но город уже стал другим.

Многие магазины были закрыты.

На улицах появились военные грузовики.

Люди шли быстро.

Почти никто не разговаривал.

Возле булочной, где ещё вчера продавали горячий хлеб,

стояла длинная очередь.

Женщина крепко прижимала к себе ребёнка.

Пожилой мужчина молча смотрел в сторону неба.

Руслан поймал себя на мысли, что за одну ночь лица людей стали старше.

Когда друзья подошли к университету, сердце Руслана сжалось.

Ворота были открыты.

Но двор почти опустел.

Несколько студентов торопливо выносили чемоданы.

Кто-то прощался.

Кто-то плакал.

Кто-то просто молча обнимал друзей.

Словно понимал

слов может уже не хватить.

Руслан медленно поднялся по знакомой лестнице.

Коридоры, ещё вчера наполненные смехом, теперь отзывались только эхом шагов.

Дверь в их аудиторию была открыта.

На доске всё ещё оставалась вчерашняя схема моста.

Никто её не стёр.

На преподавательском столе лежал кусочек белого мела.

Руслан подошёл ближе.

Провёл пальцами по деревянной парте.

Совсем недавно здесь сидели десятки студентов.

Спорили.

Смеялись.

Мечтали.

Теперь аудитория была пуста.

Он вдруг понял:

Пустыми становятся не здания.

Пустыми становятся места, из которых уходят люди.

— Руслан.

Он обернулся.

У двери стоял профессор.

Тот самый.

Профессор держал в руках деревянный ящик.

В него аккуратно складывал книги, линейки и чертёжные инструменты.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Вы уезжаете?

Профессор тяжело вздохнул.

— Пока не знаю.

Но университет закрывают.

Он провёл рукой по кафедре.

Так осторожно, словно прощался с давним другом.

— Жалко

тихо сказал Руслан.

Профессор улыбнулся.

Очень грустной улыбкой.

— Жалко не стены.

Жалко время, которое мы уже не сможем вернуть.

Руслан опустил глаза.

— Мы ещё увидимся?

Профессор долго молчал.

Потом подошёл ближе.

Положил руку ему на плечо.

— Очень надеюсь

что после войны ты будешь строить дома

а не вспоминать, как они рушились.

Руслан почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

Он хотел что-то ответить.

Но слова так и не нашлись.

Когда они с Аббасом вышли во двор, возле ворот стояла
Эньже.

Рядом лежал небольшой чемодан.

Руслан быстро подошёл.

— Ты уезжаешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет.

— Тогда чей чемодан?

— Мой.

Руслан — не понимаю

Эньже глубоко вдохнула.

— Сегодня открывают временный госпиталь.

Нужны добровольцы.

Я записалась.

Руслан несколько секунд молча смотрел на неё.

— Ты серьёзно?

Она кивнула.

— Эньже

ты ведь студентка.

— Именно поэтому.

— Ты ничем не обязана.

Она улыбнулась.

Грустно.

— А разве война спрашивает, кто кому чем обязан?

Руслан почувствовал, как внутри поднимается протест.

— Там опасно.

— Я знаю.

— Ты можешь погибнуть.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

И ответила почти шёпотом:

— А если все будут спасать только себя
кто тогда останется спасать других?

Руслан замолчал.

Впервые за всё время знакомства он не смог найти ни одного аргумента.

Они вместе проводили её до старого здания гимназии, где уже разворачивали госпиталь.

У входа стояли военные.

Несколько медиков заносили носилки.

Во дворе пахло карболовой кислотой и свежими досками.

Эньже подняла чемодан.

Потом неожиданно повернулась.

И крепко обняла Руслана.

Так крепко, словно боялась, что отпустив его сейчас, может больше никогда не увидеть.

Руслан осторожно обнял её в ответ.

Он чувствовал, как дрожат её плечи.

Но она не плакала.

Когда они отпустили друг друга, Эньже посмотрела сначала на Руслана, потом на Аббаса.

— Берегите себя. -- Аббас присмотрит за ним

Аббас впервые за долгое время попытался улыбнуться.

и сказал обязательно

— Только если ты пообещаешь то же самое.

Она кивнула.

И ушла.

Руслан долго смотрел ей вслед.

Пока белый халат не исчез за дверями госпиталя.

Вечером они снова оказались возле университета.

Во дворе никого не было.

Лишь ветер перекачивал по брусчатке несколько пожелтевших листьев.

Руслан медленно поднялся по ступеням.

Остановился у двери своей аудитории.

Обернулся.

Пустые парты.

Пустая кафедра.

Тишина.

Он смотрел так долго, будто хотел навсегда запомнить каждую деталь.

Потом едва слышно произнёс:

— До встречи

И осторожно закрыл дверь.

Не зная, что для многих людей, которых он встретил в этих стенах, эта дверь уже никогда больше не откроется.

Глава 8

Город без завтрашнего дня

Польша жила уже третьи сутки в новой реальности.

Улицы, ещё недавно наполненные студентами и торговцами, теперь принадлежали солдатам, санитарным машинам и людям, которые несли в руках всё, что успели спасти из своих домов.

Руслан и Аббас шли молча.

Никто из них уже не говорил о лекциях.

Не спорил о мостах.

Не строил планов.

Словно сама война ukrала будущее ещё до того, как они успели его прожить.

На центральной площади добровольцы разгружали мешки с песком.

Военные строили баррикады.

Молодые парни, ещё вчера сидевшие за университетскими партами, теперь передавали друг другу лопаты.

Руслан снял пиджак.

— Куда складывать?

Пожилой сержант даже не посмотрел на него.

— Туда.

Работайте быстро.

Самолёты могут вернуться.

Через несколько минут руки Руслана покрылись мозолями.

Он никогда не думал, что землю можно копать с таким отчаянием.

Каждый мешок с песком казался слишком маленьким против того, что приближалось.

Аббас вытер пот со лба.

— Странно

Руслан поднял голову.

— Что?

— Мы ведь учились строить.

А теперь строим только защиту.

Руслан молча продолжал работать.

И вдруг подумал:

Мы всегда мечтаем оставить после себя что-то красивое. Но иногда жизнь заставляет сначала научиться защищать то, что уже было построено.

После полудня они решили навестить Энже.

Временный госпиталь уже невозможно было узнать.

Во дворе стояли грузовики.

Санитары выносили раненых.

Кто-то громко звал врача.

Кто-то молился.

В воздухе смешались запахи лекарств, крови, мокрой зем-

ли и дыма.

Руслан остановился.

Ему вдруг стало трудно сделать шаг.

Эньже вышла из здания только через несколько минут.

На ней уже не было привычного платья.

Белый халат был испачкан кровью.

Несколько прядей волос выбились из-под косынки.

Но больше всего Руслана поразили её глаза.

За три дня они стали взрослее.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она кивнула.

— Да.

Соврала.

Руслан понял это сразу.

— Ты устала.

— Здесь все устали.

Она попыталась улыбнуться.

Не получилось.

— Сегодня умер первый человек, которого я пыталась спасти

Она опустила взгляд.

— Я всё сделала правильно.

Врач сказал, что правильно.

Но почему тогда кажется, что я сделала недостаточно?

Руслан не нашёл ответа.

Потому что ответа не существовало.

Он просто подошёл ближе.

И молча взял её холодные руки в свои.

Неожиданно над городом снова завывли сирены.

Гораздо громче, чем раньше.

Кто-то закричал:

— Самолёты!

Эньже резко выдернула руки.

— В подвал!

Быстро!

Руслан, Аббас и десятки людей бросились к входу.

В следующую секунду небо разорвал оглушительный гро-
хот.

Стёкла в окнах осыпались дождём.

Здание вздрогнуло.

Погас свет.

Кто-то громко закричал.

В полной темноте Руслан услышал детский плач.

Потом почувствовал, как кто-то схватил его за рукав.

Это была Эньже.

Она дрожала.

Но вместо того чтобы искать защиты, первой сказала:

— Там наверху остались раненые

Я должна вернуться.

Руслан крепко удержал её.

— Сейчас нельзя.

— Но они

— Сейчас нельзя.

В этот момент потолок снова задрожал.

Сверху посыпалась штукатурка.

Все молчали.

Каждый слушал, как над их головами рушится чей-то мир.

Когда бомбёжка закончилась, люди медленно поднялись
наверх.

Перед входом в госпиталь зияла огромная воронка.

Одно крыло здания было разрушено.

Во дворе лежали обломки кирпича.

Горела санитарная машина.

Руслан долго смотрел на всё это.

Ещё неделю назад самой большой его проблемой был
незаконченный чертёж.

Теперь он не мог вспомнить, каким был тот мир.

Он только понял одну вещь.

**Война приходит не тогда, когда звучат сирены. Она
приходит в тот миг, когда человек перестаёт узнавать
место, которое ещё вчера называл домом.**

Глава 9

Когда кажется, что всё закончилось

Прошло несколько недель.

Варшава изменилась до неузнаваемости.

Некоторые улицы всё ещё были завалены кирпичом и обломками крыш, но люди постепенно возвращались к жизни. Кто-то открывал лавку. Кто-то чинил разбитые окна. По утрам на рынках снова появлялись торговцы, а дети, словно забыв о страхе, осторожно выбегали во дворы.

Война никуда не исчезла.

Она просто перестала кричать.

Теперь она говорила шёпотом.

Руслан с Аббасом помогали восстанавливать дома, пострадавшие после бомбардировок.

Работа была тяжёлой.

С утра до вечера они разбирали завалы, вытаскивали уцелевшие балки, укрепляли стены.

Однажды Аббас, вытирая ладони от известковой пыли, посмотрел на полуразрушенный дом.

— Странно

— Что?

— Мы ведь приехали строить новые дома.

А теперь учимся спасать старые.

Руслан поднял тяжёлый кирпич и тихо ответил:

— Наверное, хороший инженер должен уметь и то, и другое.

Потом, уже вечером, он долго думал об этих словах.

Мы всегда строим мосты через реки. Но почему никто не учит строить мосты между людьми?

Он не стал ни с кем делиться этой мыслью.

Некоторые мысли рождаются не для разговора.

Эньже почти не выходила из госпиталя.

Она похудела.

Под глазами появились тёмные круги.

Но в её взгляде появилась твёрдость, которой раньше не было.

Однажды Руслан принёс ей маленький бумажный пакет.

— Что это?

— Яблоки.

— Откуда?

— Это секрет.

Она улыбнулась.

— Значит, украл?

— Инженеры не воруют.

Мы просто умеем находить то, что плохо охраняют.

Эньже впервые за долгое время рассмеялась.

И этот смех показался Руслану самым красивым звуком за последние недели.

В тот вечер они решили немного пройтись.

Город был непривычно тихим.

Они шли медленно, не торопясь.

Будто каждый понимал, что эта прогулка может оказаться особенно ценной.

Когда они подошли к университету, Руслан остановился.

Старое здание стояло на месте.

Разбитые окна уже заколотили досками.

На стенах ещё виднелись следы осколков.

Во дворе никого не было.

Только часы на башне продолжали отсчитывать время.

— Помнишь? — тихо спросил Руслан.

— Что?

— Здесь мы познакомились.

Эньже улыбнулась.

— Тогда ты даже не знал моего имени.

— А теперь знаю.

Она посмотрела на него.

— А я тогда подумала
какой странный парень.

— Почему?

— Потому что ты больше слушал, чем говорил.

Руслан усмехнулся.

— Это плохо?

Она покачала головой.

— Нет.

Наверное, поэтому мне и захотелось увидеть тебя ещё раз.
Руслан замолчал.

Ему вдруг показалось, что сейчас любые слова будут лишними.

Они медленно подошли к ступеням университета.

Сели рядом.

Долго молчали.

Город постепенно погружался в вечер.

Где-то вдали зажигались редкие огни.

Эньже первой нарушила тишину.

— Знаешь

больше всего я боялась не взрывов.

Руслан повернулся к ней.

— Тогда чего?

Она опустила глаза.

— Я боялась, что однажды ты просто исчезнешь.

И я даже не успею сказать

что ты стал для меня очень дорогим человеком.

Руслан почувствовал, как сердце забилось быстрее.

Он осторожно взял её за руку.

На этот раз осознанно.

Эньже посмотрела на их переплетённые пальцы.

Но не убрала руку.

Руслан тихо произнёс:

— Тогда и ты должна знать.

С того дня, когда я впервые увидел тебя с книгой во дворе

университета

я больше не представлял ни одного своего будущего без тебя.

Эньже ничего не ответила.

Только крепче сжала его ладонь.

Иногда молчание говорит больше любых признаний.

Когда они возвращались обратно, Эньже вдруг остановилась.

Достала из кармана маленький сложенный лист бумаги.

— Это тебе.

— Что это?

Она смущённо улыбнулась.

— Не открывай сейчас.

Обещаешь?

Руслан кивнул.

— Обещаю.

Она ушла к госпиталю.

Несколько раз обернулась.

И каждый раз видела, что Руслан всё ещё стоит на месте.

Вернувшись в общежитие, он долго смотрел на маленький листок.

Потом осторожно развернул его.

Почерк был аккуратным.

Немного дрожал.

Руслан.

Странно писать письмо человеку, которого можно уви-

дети завтра.

*Но некоторые слова почему-то легче доверить бумаге,
чем собственному голосу.*

*Спасибо тебе за то, что рядом с тобой я хотя бы нена-
долго забываю о войне.*

Я не знаю, что будет завтра.

Но сегодня я счастлива.

Эньже.

Руслан перечитал письмо ещё раз.

Потом ещё.

Аккуратно сложил его.

И спрятал во внутренний карман пиджака.

Туда, где хранят самое дорогое.

Он ещё не знал

что именно это письмо однажды поможет ему пережить
самые страшные дни войны.

Глава 10

Разные дороги

Прошла ещё неделя.

Варшава жила под новой властью.

На улицах всё чаще слышалась немецкая речь.

Над государственными учреждениями появились чужие флаги.

Люди говорили тише.

Чаще оглядывались.

Словно сам город боялся собственного голоса.

Руслан и Аббас продолжали работать на разборе завалов.

Но с каждым днём становилось очевидно:

этого недостаточно.

Каждый вечер на площади собирались мужчины.

Кто-то говорил о подполье.

Кто-то — о бегстве на восток.

Кто-то мечтал добраться до Франции и продолжить борьбу.

Каждый искал свой путь.

Однажды вечером Аббас положил перед Русланом старую карту.

— Посмотри.

Руслан развернул её.

Красным карандашом была отмечена дорога на восток.

— Что это?

— Здесь ещё собирают добровольцев.

Говорят, формируются новые части.

Руслан долго молчал.

— Ты хочешь идти?

Аббас не ответил сразу.

Потом тихо сказал:

— Я не смогу всю жизнь смотреть людям в глаза, если сейчас останусь в стороне.

Руслан кивнул.

— Я тоже.

На следующий день он пришёл к госпиталю.

Эньже уже ждала его.

Она словно почувствовала, зачем он пришёл.

— Ты уходишь?

Руслан молча кивнул.

Она опустила глаза.

Но не заплакала.

— Когда?

— Завтра утром.

Повисла долгая тишина.

Потом Эньже достала из кармана маленький конверт.

— Это нельзя открывать сейчас.

Руслан грустно улыбнулся.

— Опять письмо?

— Да.

— Почему не сказать вслух?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что письмо останется с тобой.

А мои слова может унести ветер.

Руслан осторожно взял конверт.

Словно боялся помять его.

Они долго гуляли по вечерней Варшаве.

Не обсуждали войну.

Не строили планов.

Говорили о самых простых вещах.

О любимом чае.

О детстве.

О Казахстане.

О Татарстане.

О том, как однажды обязательно увидят Алматы.

Эньже улыбнулась.

— Покажешь мне горы?

— Обязательно.

— А я покажу тебе Волгу.

Руслан засмеялся.

— Договорились.

Никто из них не заметил, что говорит о будущем так, словно оно уже принадлежит им.

Они снова оказались возле университета.

Часы на башне продолжали идти.

Руслан поднял голову.

— Знаешь

я всё думаю

почему именно здесь мы встретились.

Эньже посмотрела на старое здание.

— Наверное

некоторые места сами выбирают людей.

Руслан задумался.

И впервые за долгое время ему захотелось поверить, что судьба действительно существует.

Ночь была холодной.

Возле общежития они остановились.

Руслан понимал:

ещё немного —

и пора прощаться.

Он сделал шаг к Эньже.

Она тоже.

Он осторожно коснулся ладонью её щеки.

— Я вернусь.

Эньже закрыла глаза.

— Не обещай того

чего не можешь знать.

Руслан молчал.

Она была права.

Он не мог этого обещать.

Тогда он сказал другое.

— Тогда я обещаю только одно.

Где бы я ни оказался

я буду писать тебе.

Она едва заметно улыбнулась.

— И я.

Они впервые поцеловались.

Без страсти.

Без спешки.

Это был поцелуй двух людей, которые понимали: завтра

их жизнь уже не будет прежней.

Рано утром Руслан и Аббас стояли на вокзале.

Вокруг было шумно.

Добровольцы прощались с семьями.

Матери плакали.

Дети крепко держались за руки отцов.

Эньже пришла проводить их.

Она ничего не говорила.

Только перед самым отправлением крепко обняла Русла-

на.

Потом вложила ему в ладонь карандаш.

Совсем простой.

Немного сточенный.

Руслан удивлённо посмотрел на неё.

— Зачем?

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Чтобы у тебя никогда не было причины не написать мне.

Поезд тронулся.

Руслан стоял в дверях вагона.

В одной руке он держал поручень.

В другой —

маленький карандаш.

Он смотрел, как фигура Эньже становится всё меньше.

Пока не растворилась среди десятков людей на перроне.

Только тогда он открыл конверт.

Внутри лежал один-единственный лист.

Руслан.

Если однажды ты не сможешь найти дорогу домой, просто помни: где-то есть человек, который каждый день будет ждать твоего письма.

И пока я жду — ты не имеешь права перестать бороться.

Твоя Эньже.

Руслан медленно сложил письмо.

Спрятал рядом с первым.

Потом посмотрел в окно.

За стеклом исчезала Варшава.

Вместе с ней исчезала и последняя мирная часть его жизни.

Глава 11

Первое письмо

Поезд медленно уходил на восток.

За окнами сменялись поля, небольшие деревни и станции, на которых почти не было людей.

Иногда состав останавливался посреди пути.

Никто ничего не объяснял.

Пассажиры молча ждали.

Потом поезд снова трогался.

Война диктовала своё расписание.

В вагоне было тесно.

Рядом с Русланом сидел пожилой польский офицер с перевязанной рукой.

Напротив — совсем молодой парень.

На вид ему было не больше семнадцати.

Он крепко держал фотографию семьи.

Каждые несколько минут открывал её.

Смотрел.

И снова убирал в карман.

Будто боялся забыть лица родных.

Аббас тихо спросил:

— Думаешь, он тоже доброволец?

Руслан кивнул.

— Скорее всего.

— Страшно

— Всем страшно.

— А ты боишься?

Руслан посмотрел в окно.

— Боюсь.

Но не смерти.

Аббас удивился.

— Тогда чего?

Руслан ответил не сразу.

— Что однажды перестану помнить, каким был мир до войны.

На одной из станций поезд остановился надолго.

Добровольцам разрешили выйти.

На перроне женщины раздавали горячий чай и куски чёрного хлеба.

Пожилая женщина протянула кружку Руслану.

— Откуда ты, сынок?

— Из Казахстана.

Она улыбнулась.

— Значит, судьба привела тебя очень издалека.

Руслан кивнул.

— Наверное.

Женщина осторожно поправила воротник его пальто.

Совсем как мать.

И тихо сказала:

— Береги себя.

Руслан поблагодарил.

Когда поезд снова тронулся, он долго смотрел в окно.

Эта незнакомая женщина вдруг напомнила ему дом.

Иногда чужие люди дарят тепло, которое не могут подарить даже самые близкие — просто потому, что оказались рядом в нужный момент.

К вечеру поезд прибыл в небольшой военный лагерь.

Добровольцев построили.

Перед ними вышел капитан.

Высокий.

Седой.

С лицом человека, который слишком многое видел.

Он внимательно посмотрел на строй.

— Здесь никто не станет героем за один день.

И никто не останется прежним.

Запомните это.

Завтра начнётся подготовка.

Сегодня

напишите домой.

Если есть кому писать.

После этих слов строй медленно распался.

Кто-то сразу сел за стол.

Кто-то просто молча курил.

Руслан достал из вещмешка бумагу.

Долго смотрел на пустой лист.

Но почему-то не мог начать.

Аббас уже писал.

Быстро.

Уверенно.

— Не знаешь, с чего начать? — спросил он.

Руслан улыбнулся.

— Нет.

— Пиши правду.

Это всегда легче.

Руслан опустил взгляд.

Взял ручку, которую выдали в лагере.

И написал:

Эньже.

Не знаю когда это письмо попадет к тебе. Нам сказали, что почта сейчас работает плохо, но я все равно решил написать. Я обещал тебе, что буду писать, где бы ни оказался. Значит, должен сдержать своё слово.

Даехали мы нармальна. Дорога наказалась очен длиной. Иногда поезд стоял на несколько часов прямо посреди поля. Некто нечево не объяснял. Наверное, сейчас так везде. Люди почти не разговаривают. Каждый думает о своём.

Аббас, как всегда, старается шутит. Иногда получается смешно, иногда нет. Но я понимаю, зачем он это делает. Когда кто-то смеётся, становится немного легче даже тем, кто не улыбается.

Нас разместили в военном лагере. Пака нас толко учат. Поднимают очень рана. Цельши день страевая подготовка, занятия и работа. Вечером сил почти не остаётся, но сегодня я решил не ложиться спать, пака не напишу тебе.

Здесь уже прaxладно. По начам ветер такой сильный, что кажется, будто он может унести палатку. Инагда, кагда становится совсем тиха, я вспоминаю вечер возле университета. Не знаю пачему, но именно этот вечер всё время возвращается в память. Наверное, потому что тагда ещё казалось, что впереди у нас абычная жизнь.

Как ты? Как госпиталь? Надеюсь, ты не забываешь атьдыхать. Я знаю, что ты сейчас скажешь: «Некогда». Но всё равно пастарайся. Ты нужна многим людям. И одному человеку тоже.

Инагда мне кажется странным, что несколько листов бумаги могут соединят людей лучше, чем дарога длиной в сотни километров.

Береги себя. Не переживай за меня. Я обещаю делать всё, чтобы аднажды самаму атдать тебе следующее письмо, а не просить кого-то передать его вместа меня.

Скучаю по тебе.

Твой Руслан.

Он перечитал написанное.

Сложил лист.

Аккуратно убрал в конверт.

И вдруг понял:

Письмо — странная вещь.

Когда его пишешь, человек кажется ближе.

Но когда заканчиваешь последнюю строку, особенно остро ощущаешь расстояние.

Поздно вечером добровольцы разошлись по казармам.

Руслан долго не мог уснуть.

Снаружи было тихо.

Слишком тихо.

Он посмотрел на соседнюю кровать.

Аббас уже спал.

Руслан закрыл глаза.

И впервые за всё время после отъезда из Варшавы понял:

Завтра закончится ещё одна часть его жизни.

Завтра он перестанет быть просто студентом.

И начнёт становиться солдатом.

Глава 12. Первые выстрелы

Часть I

Никто не сказал, когда именно закончилась подготовка. Не было ни торжественного построения, ни громких приказов.

Однажды утром солдат просто разбудил короткой командой:

— Подъём. Через двадцать минут выезд.

Руслан открыл глаза.

Несколько секунд он смотрел в деревянный потолок казармы, пытаясь вспомнить, какой сегодня день.

Потом понял, что давно перестал считать дни.

Раньше жизнь измерялась лекциями, выходными и письмами от матери.

Теперь — подъёмами, тревогами и командами.

На соседней койке уже одевался Аббас.

— Проснулся?

— А разве был выбор?

Аббас улыбнулся.

— Нет. Но я всё ещё надеюсь, что однажды сержант зайдёт и скажет: «Ребята, произошла ошибка. Возвращайтесь в университет.»

Руслан усмехнулся.

— Тогда профессор первым делом спросит, почему мы пропустили столько занятий.

— А я отвечу, что был на самой длинной практике в своей жизни.

Они рассмеялись.

Негромко.

Так, чтобы не слышал сержант.

Смех быстро закончился.

Он всё чаще становился коротким.

Будто война постепенно отучала людей смеяться долго.

Через полчаса колонна уже стояла возле грузовиков.

Старые машины с потускневшей краской, деревянными бортами и запахом бензина.

Солдаты молча забирались внутрь.

Каждый нёс свой вещмешок так, словно вместе с ним нёс всю прежнюю жизнь.

Руслан устроился у борта.

Аббас сел рядом.

Напротив расположился пожилой мужчина с густыми седыми усами.

По левую руку — совсем молодой парень.

Руслану показалось, что ему не больше семнадцати.

Парень крепко держал в руках фотографию.

Он смотрел на неё так внимательно, будто боялся забыть лица людей, изображённых на ней.

Через несколько минут он осторожно убрал снимок во внутренний карман гимнастёрки.

Руслан невольно улыбнулся.

Наверное, у каждого здесь было что-то своё.

У кого-то фотография.

У кого-то крестик.

У кого-то письмо.

Такие вещи редко спасают жизнь.

Но часто помогают сохранить человека внутри.

Грузовики тронулись.

Сначала медленно.

Потом всё быстрее.

Колонна покинула лагерь.

Дорога уходила на восток.

За окнами мелькали деревни.

Некоторые дома были пустыми.

В других ещё жили люди.

Иногда дети выбегали к дороге и молча смотрели вслед колонне.

Они не махали руками.

Не кричали.

Они просто смотрели.

Слишком серьёзно для своего возраста.

Руслан проводил взглядом маленькую девочку.

Она крепко прижимала к себе тряпичную куклу.

Пока грузовик не скрылся за поворотом, девочка так и не

сдвинулась с места.

Он отвернулся.

Почему-то именно этот взгляд запомнился ему сильнее, чем разрушенные дома.

Дорога была долгой.

Сначала никто не разговаривал.

Потом пожилой мужчина вдруг достал из кармана серебряные карманные часы.

Он осторожно открыл крышку.

Несколько секунд смотрел на стрелки.

После чего неожиданно прикоснулся к ним губами.

Руслан не выдержал.

— Красивые часы.

Мужчина поднял глаза.

— Да.

Руслан помолчал.

— Подарок?

Старик покачал головой.

— Нет.

Это часы моего сына.

Он должен был носить их.

Руслан не сразу понял смысл сказанного.

Мужчина продолжил спокойно.

Слишком спокойно.

— Он погиб ещё весной.

Теперь они идут со мной.

Потому что оставить их дома оказалось тяжелее, чем взять на войну.

В кузове стало тихо.

Даже Аббас ничего не сказал.

Старик закрыл часы.

Берег их так осторожно, словно внутри тикало не время.

А память.

Через несколько часов колонна остановилась.

Водители объявили короткий привал.

Солдаты начали разминать ноги.

Кто-то закурил.

Кто-то достал хлеб.

Аббас сел прямо на землю.

— Руслан.

— Что?

— Ты заметил одну вещь?

— Какую?

— Здесь никто никого не спрашивает, кем он был раньше.

Руслан задумался.

И действительно.

За последние недели никто не интересовался, кто он.

Студент.

Инженер.

Казах.

Все эти слова вдруг потеряли значение.

Осталось только одно.

Солдат.

Аббас вздохнул.

— Странная всё-таки вещь война.

За несколько дней она может сделать одинаковыми людей,
которые никогда бы не встретились.

Руслан посмотрел вокруг.

Совсем рядом сидел музыкант.

Чуть дальше шахтёр.

За ними — школьный учитель.

Фермер.

Плотник.

Почтальон.

Совсем недавно каждый жил своей жизнью.

Теперь они ели один хлеб.

Спали на одной земле.

И ехали в одном направлении.

Руслан поднял взгляд к серому небу.

Он вдруг подумал, что война умеет стирать различия
быстрее любого времени.

Но цена у этого всегда слишком высокая.

Глава 12. Первые выстрелы

Часть II

Колонна снова двинулась в путь.

Чем дальше они уезжали, тем реже встречались люди.

Дорога становилась уже.

По обеим сторонам тянулся густой лес.

Иногда среди деревьев мелькали полуразрушенные дома, от которых остались только печные трубы.

Руслан заметил, что никто в грузовике уже не разговаривал.

Каждый думал о своём.

Казалось, даже двигатель работал тише.

Ближе к вечеру машины остановились.

— Приехали! — крикнул сержант.

Солдаты начали выпрыгивать на землю.

Руслан осмотрелся.

Никакого фронта он не увидел.

Не было длинных траншей.

Не было сотен солдат.

Не было атак.

Перед ними простиралось обычное поле.

За ним — густой лес.

Чуть левее тянулась узкая речка.

Несколько землянок почти полностью уходили в землю.

Возле них сидели уставшие бойцы.

Кто-то чинил сапоги.

Кто-то молча чистил винтовку.

Кто-то спал прямо на сырой земле.

Руслан растерялся.

Он почему-то ожидал увидеть войну совсем другой.

Яркой.

Громкой.

Постоянной.

Но здесь всё выглядело так, будто люди просто очень устали жить.

Навстречу подошёл капитан.

Лицо его было покрыто двухдневной щетиной.

На рукаве гимнастёрки виднелась аккуратно зашитая прореха.

— Пополнение?

Сержант кивнул.

— Так точно.

Капитан внимательно осмотрел новоприбывших.

— Слушайте внимательно.

Здесь нет героев.

Есть только те, кто успел спрятаться на секунду раньше.

Некоторые солдаты тихо усмехнулись.

Руслан не понял этой улыбки.

Поймёт позже.

Им показали землянку.

Внутри пахло сыростью.

Деревянные нары.

Коптящая керосиновая лампа.

У стены лежали несколько ящиков с патронами.

Аббас бросил вещмешок.

— Ну что

Общежитие было лучше.

Руслан усмехнулся.

— Зато соседи здесь не шумят после отбоя.

В этот момент рядом прогремел взрыв.

Земля едва заметно дрогнула.

С потолка посыпалась сухая земля.

Аббас медленно посмотрел вверх.

— Кажется

Я поторопился с выводами.

Вечером им раздали ужин.

Жидкий суп.

Кусок хлеба.

И кружку горячего чая.

Руслан никогда бы не подумал, что самый обычный хлеб может казаться таким вкусным.

Рядом сел тот самый пожилой мужчина с часами.

— Первый день?

Руслан кивнул.

— Видно.

— По чему?

Старик спокойно отломил кусок хлеба.

— Ты ещё смотришь по сторонам.

Через месяц будешь смотреть только под ноги.

— Почему?

— Потому что земля иногда опаснее неба.

Руслан не понял.

Но снова решил ничего не спрашивать.

Война сама всё объяснит.

Солнце уже почти скрылось за лесом.

Воздух стал холоднее.

Руслан вышел из землянки.

Небо постепенно темнело.

Вдали кто-то тихо играл на губной гармошке.

Мелодия была незнакомой.

Но почему-то напоминала дом.

Он присел на поваленное бревно.

Достал из кармана письмо Эньже.

Развернул.

Чернила уже немного расплылись на сгибах.

Руслан медленно перечитал каждую строчку.

Особенно ту, где она написала:

«Пока я жду — ты не имеешь права перестать бороться.»

Он невольно улыбнулся.

В этот момент рядом сел Аббас.

— Опять читаешь?

Руслан сложил письмо.

— Да.

— Уже, наверное, наизусть знаешь.

— Некоторые вещи можно перечитывать бесконечно.

Аббас молча посмотрел на тёмный горизонт.

Потом спросил:

— Скажи честно

Если бы можно было всё вернуть

Ты бы всё равно поехал сюда?

Руслан долго не отвечал.

Ночной ветер тихо качал верхушки сосен.

Где-то далеко глухо прозвучал одиночный выстрел.

— Да.

Аббас удивился.

— Даже зная всё это?

— Да.

— Почему?

Руслан посмотрел на свои ладони.

Ещё совсем недавно они держали карандаш и чертёжную линейку.

Теперь держали винтовку.

— Потому что однажды я хочу смотреть своим детям в глаза и не стыдиться того, что в самое тяжёлое время спрятался за чужими спинами.

Аббас ничего не ответил.

Он только тихо кивнул.

Ночь наступила быстро.

Руслана впервые поставили в караул.

Вокруг была почти полная тишина.

Настолько глубокая, что слышно было, как ветер проходит сквозь сосны.

Иногда казалось, будто лес дышит.

Он крепче сжал винтовку.

И вдруг понял, что боится вовсе не выстрела.

Он боялся неизвестности.

Когда не знаешь, **откуда** придёт опасность, воображение начинает работать громче любого оружия.

Вдруг

Где-то впереди хрустнула ветка.

Руслан замер.

Сердце ударило так сильно, что он услышал его в собственных ушах.

Он поднял винтовку.

Ещё один хруст.

Палец лёг на спусковой крючок.

Из темноты медленно вышел
маленький лось.

Животное спокойно посмотрело на людей.

Постояло несколько секунд.

И исчезло между деревьями.

Руслан медленно выдохнул.

Позади кто-то негромко рассмеялся.

— Поздравляю.

Теперь ты знаешь, что на войне страшно даже оленям.

Руслан тоже улыбнулся.

Совсем немного.

Но эта улыбка исчезла через несколько секунд.

Потому что где-то далеко, за лесом, раздался тяжёлый
грохот артиллерии.

Не один выстрел.

Не два.

А десятки.

Земля под ногами едва заметно задрожала.

Старший караула посмотрел в сторону горизонта.

И тихо произнёс:

— Похоже

завтра они доберутся и до нас.

Руслан поднял глаза к чёрному небу.

Он ещё не знал, что следующий день разделит его жизнь
на две части.

До первого боя.

И

после него.

Глава 12. Первые выстрелы

Часть III

Руслан проснулся ещё до рассвета.

Он не сразу понял, что его разбудило.

Потом услышал.

Глухие раскаты.

Будто где-то далеко над землёй перекатывались тяжёлые камни.

Через несколько секунд прогремел ещё один удар.

Теперь ближе.

В землянку заглянул сержант.

— Подъём!

Все мгновенно вскочили.

Сон исчез так же быстро, как исчезает туман под утренним солнцем.

— Немцы начали артподготовку.

Получить оружие!

Быстро!

Никто не задавал вопросов.

Каждый уже понимал, что это значит.

На улице было холодно.

Над полем стелился густой туман.

Руслан впервые почувствовал запах войны.

Это был не запах пороха.

Не запах крови.

Пахло мокрой землёй, дымом, горелым деревом и сырой травой.

Именно этот запах позже будет возвращаться к нему во снах.

— По местам!

Крик капитана разнёсся по окопам.

Руслан вместе с Аббасом спрыгнул в узкую траншею.

Земля была холодной и липкой.

Сапоги сразу ушли в грязь почти по щиколотку.

— Не высовываться без команды! — закричал сержант.

Руслан сильнее сжал винтовку.

Он почувствовал, как дрожат руки.

Он пытался остановить дрожь.

Не получилось.

Аббас заметил это.

Молча положил руку ему на плечо.

— У меня тоже.

Руслан посмотрел на друга.

Тот тоже дрожал.

И почему-то именно это немного успокоило.

Значит

боятся все.

Первый снаряд упал совсем рядом.

Земля будто подпрыгнула.
Руслан инстинктивно закрыл голову руками.
Комья грязи посыпались прямо в окоп.
В ушах зазвенело.
Следом второй.
Третий.
Четвёртый.
Казалось, небо разрывается на части.
Он больше не понимал, где верх, а где низ.
Только слышал бесконечный грохот.
Вдруг всё стихло.
Так резко, что тишина показалась страшнее взрывов.
Капитан поднялся чуть выше.
Посмотрел в бинокль.
И громко крикнул:
— Приготовиться!
Идут!
Руслан осторожно выглянул.
Сначала он ничего не увидел.
Потом
в тумане начали появляться силуэты.
Далёкие.
Почти призрачные.
Они двигались медленно.
Но становились всё ближе.
Сердце билось так сильно, что заглушало остальные зву-

ки.

— Не стрелять!

Ждать!

Руслан крепче сжал винтовку.

Палец лежал на спусковом крючке.

Он никогда раньше не целился в человека.

В университете их учили рассчитывать нагрузку на мост.

А не расстояние до чужой жизни.

— Огонь!

Весь окоп вспыхнул одновременно.

Выстрелы смешались в один непрерывный гул.

Руслан машинально нажал на спуск.

Отдача ударила в плечо.

Он даже не понял, куда попала пуля.

Потом выстрелил ещё раз.

И ещё.

Всё происходило так быстро, что времени на мысли не оставалось.

Только делать то, чему учили.

Рядом вскрикнул молодой солдат.

Тот самый парень с фотографией.

Он схватился за бок.

Медленно сел на землю.

Будто просто устал.

Руслан бросился к нему.

— Санитар!

Парень посмотрел на него удивлёнными глазами.

Губы дрожали.

— Скажи

Скажи моей маме

что

Он не договорил.

Голова медленно опустилась.

Фотография выпала из его кармана прямо в грязь.

Руслан застыл.

Всего вчера этот парень показывал снимок своей семьи.

Сегодня

от него осталась только фотография.

— Руслан!

Голос Аббаса буквально выдернул его из оцепенения.

— Ложись!

Руслан не успел.

Совсем рядом разорвался снаряд.

Ударная волна отбросила его в стенку окопа.

Воздух исчез.

В ушах стоял один длинный звон.

Он открыл глаза.

Мир стал каким-то далёким.

Беззвучным.

Будто всё происходило под водой.

Кто-то тряс его за плечи.

Это был Аббас.

Он что-то говорил.

Руслан видел движение губ.

Но не слышал ни слова.

Через несколько минут слух начал возвращаться.

Сначала отдельные звуки.

Потом крики.

Потом выстрелы.

И наконец голос Аббаса.

— Живой?!

Руслан медленно кивнул.

Он поднял руку.

На ладони была кровь.

Сердце на мгновение остановилось.

Он быстро осмотрел себя.

Ран не было.

Кровь оказалась чужой.

На рукаве остались следы того самого парня, которому он пытался помочь.

Руслан долго смотрел на ладонь.

Потом медленно вытер её о мокрую землю.

Но ему показалось, что кровь всё равно осталась.

Не на коже.

Где-то глубже.

Бой продолжался почти до вечера.

Когда солнце начало опускаться за лес, наступила тишина.

Настоящая.

Без взрывов.

Без выстрелов.

Без команд.

Руслан выбрался из окопа.

Поле впереди было изрыто воронками.

Повсюду валялись разбросанные каски, винтовки, ключья шинелей.

Он искал глазами того молодого парня.

Но не нашёл.

Санитары уже унесли его.

Осталась только фотография.

Она лежала в грязи, намокшая от дождя.

Руслан поднял её.

На снимке были мужчина, женщина и трое детей.

Все улыбались.

Он аккуратно вытер фотографию рукавом.

И положил во внутренний карман гимнастёрки.

Он не знал их имён.

Но дал себе слово:

если переживёт войну, он найдёт эту семью.

Пусть даже только для того, чтобы вернуть им последнее, что осталось от сына.

---# Глава 12. Первые выстрелы

Часть IV

К вечеру дождь усилился.

Он медленно смывал кровь с земли, смешивая её с грязью.

Руслан сидел у входа в землянку и молча смотрел на свои руки.

Он мыл их уже третий раз.

Потом четвёртый.

Грязь уходила.

Кровь тоже.

Но ощущение, будто ладони всё ещё липкие, не исчезало.

Аббас молча сел рядом.

Некоторое время они сидели, не произнося ни слова.

— О чём думаешь? — наконец спросил он.

Руслан долго молчал.

— Я даже имени его не узнал.

— Чьего?

— Того парня.

Аббас понял сразу.

— Зато ты запомнил его лицо.

Руслан покачал головой.

— Нет

Я запомнил его голос.

Он сказал: «Скажи моей маме»

И не успел закончить.

Ветер качнул полог землянки.

Руслан вдруг представил женщину, которая сейчас, возможно, готовит ужин.

Может быть, поправляет на столе скатерть.

Может быть, ждёт письмо.

И ещё не знает, что её сын уже никогда ничего не напишет.

Эта мысль оказалась страшнее самого боя.

После ужина командир приказал собрать погибших.

Руслан никогда раньше не носил мёртвых людей.

Ему казалось, что это будет невозможно.

Но война не спрашивала, готов он или нет.

Она просто давала следующую работу.

Они шли молча.

Каждого погибшего осторожно клали на плащ-палатку.

Никто не плакал.

Не потому, что было не жалко.

Просто за день слёз стало меньше, чем потерь.

Руслан подошёл к телу того самого парня.

Фотографии в кармане уже не было.

Она лежала у Руслана под гимнастёркой.

Он наклонился.

Закрывл погибшему глаза.

Никто его этому не учил.

Он просто почувствовал, что так правильно.

Ночью никто долго не мог уснуть.

Кто-то тихо кашлял.

Кто-то ворочался.

Кто-то разговаривал во сне.

Руслан достал блокнот.

Хотел написать Эньже.

Долго смотрел на пустой лист.

Потом медленно вывел:

Эньже.

Сегодня я впервые был в бою.

Он остановился.

Что написать дальше?

Что было страшно?

Она и так поймёт.

Что рядом погиб человек?

Зачем причинять ей эту боль?

Что он сам едва остался жив?

Нет.

Он не хотел, чтобы каждое её утро начиналось со страха.

Руслан аккуратно зачеркнул первую строку.

Взял новый лист.

И начал снова.

***Эньже любовь мая*

Сегодня у нас был тяжелый ден.

Не переживай за меня. Са мнои все харашо.

*Здесь уже холодно. Наверна, у вас тоже осень вступает
в свои права.*

Помниш, ты гаварила, что осенью Варшава особенно кра-

сива? Если чесна, я тагда не успел этово заметить. Всё время куда-та спешил. Теперь часта думаю, как мала мы ценим самые обычные дни.

Аббас передаёт тебе привет. Он по-прежнему шутит, хотя его шутки становятся всё хуже. Наверна, это тоже признак вайны.

Севодня вечером мы долгв сидели молча. Раньше мне казалось, что малчание бывает неловким. аказалось, инагда ано говорит больше любых слов.

Раскажи мне, как проходит твой день. Кто теперь дежурит вместе с тобой? Есть ли у тебя время выпить горячево чая или вы всё так же работаете без отдыха?

Береги себя. Мне пачему-то спокойнее, когда я представляю, что ты сейчас читаешь эти строки.

Скучаю.

Твой Руслан.

Он перечитал письмо.

Ни слова о смерти.

Ни слова о страхе.

Ни слова о том, что несколько часов назад он держал за руку умирающего человека.

Руслан сложил лист.

И вдруг понял одну простую вещь.

Он не солгал Энъже.

Он просто оставил всю боль между строк.

Перед тем как лечь спать, он достал из кармана фотогра-

фию незнакомой семьи.

При свете коптящей лампы долго смотрел на улыбающиеся лица.

Потом перевернул снимок.

На обратной стороне детским почерком было написано всего несколько слов:

«Папе. Возвращайся скорее. Мы ждём тебя дома.»

Руслан почувствовал, как внутри всё сжалось.

Он закрыл глаза.

И впервые за долгое время тихо произнёс молитву.

Не за себя.

За человека, имени которого он так и не узнал.

Этой ночью Руслан понял ещё одну вещь.

Война начиналась не тогда, когда звучал первый выстрел.

Она начиналась в тот момент, когда человек впервые понимал, что не сможет рассказать своим близким всей правды.

Глава 13

Между боями

Через три дня Руслан понял одну странную вещь.

К войне нельзя привыкнуть.

Но можно привыкнуть к ожиданию войны.

Иногда сутки проходили без единого выстрела.

Потом за десять минут происходило столько, что казалось, будто прожил целую жизнь.

А затем снова наступала тишина.

Такая, что слышно было, как ветер шелестит в мокрой траве.

После первого боя подразделение осталось на тех же позициях.

Каждое утро начиналось одинаково.

Подъем ещё до рассвета.

Горячая вода, если повезёт.

Кусок хлеба.

Редкая кружка крепкого чая.

Потом работа.

Кто-то укреплял окопы.

Кто-то таскал ящики с патронами.

Кто-то ремонтировал землянки после ночных обстрелов.

Руслан с удивлением заметил, что больше всего времени на войне занимала вовсе не стрельба.

А лопата.

Иногда ему казалось, что война держится не на оружии.

А на людях, которые каждый день копают землю.

— Инженер!

Руслан обернулся.

Это был капитан.

— Подойди.

Руслан быстро подошёл.

Капитан разложил на ящике карту.

— Ты ведь учился на строительном?

— Только начал.

— Всё равно больше остальных понимаешь.

Посмотри.

Если немцы ударят отсюда

Как бы ты усилил позицию?

Руслан внимательно посмотрел на схему.

Несколько минут молчал.

Потом осторожно сказал:

— Если соединить эти две траншеи

И сделать небольшой запасной ход вот здесь
то люди смогут отходить, не выходя под огонь.

Капитан внимательно слушал.

Потом кивнул.

— Попробуем.

Когда капитан ушёл, Аббас хлопнул друга по плечу.

— Видишь?

Даже здесь инженеры нужны.

Руслан впервые за долгое время улыбнулся.

Пусть совсем немного.

Но впервые знания из университета пригодились не на бу-
маге.

А для того, чтобы кто-то, возможно, остался жив.

Работа продолжалась до самого вечера.

Солдаты копали молча.

Только звук лопат нарушал тишину.

Рядом трудился пожилой сапожник из Кракова.

Он неожиданно спросил:

— Руслан.

— Да?

— А кем ты мечтал стать?

Руслан удивился.

— Инженером.

Строить мосты.

Мужчина усмехнулся.

— Хорошая профессия.

А я всю жизнь шил обувь.

Понимаешь

никогда не думал, что закончу жизнь с лопатой в руках.

Руслан воткнул лопату в землю.

Посмотрел на длинную линию окопов.

И подумал:

Странно. Нас учили строить дома, дороги и мосты. Но никто никогда не учил, что однажды придётся строить место, в котором люди будут прятаться от смерти.

Он ничего не сказал вслух.

Просто продолжил копать.

После ужина почтальон появился неожиданно.

Молодой солдат с тяжёлой сумкой за плечом громко крикнул:

— Почта!

Ещё утром уставшие люди словно ожили.

Все окружили его.

— Мне есть?

— Посмотри ещё раз!

— Может, пропустил?

Руслан никогда не видел столько надежды в глазах взрослых мужчин.

Некоторые получали письма и сразу уходили в сторону.

Некоторые открывали прямо здесь.

Некоторые долго смотрели на конверт.

Будто боялись узнать, что внутри.

— Руслан!

Он поднял голову.

— Есть одно.

Почтальон протянул небольшой конверт.

Руслан сразу узнал аккуратный почерк.

Эньже.

Он несколько секунд просто держал письмо в руках.

Не открывая.

Аббас улыбнулся.

— Ну что?

Не будешь читать?

Руслан покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Хочу оставить это на вечер.

Есть вещи, которыми не хочется делиться с шумом.

Когда стемнело, он вышел из землянки.

Дождя не было впервые за несколько дней.

Небо оказалось удивительно чистым.

Руслан сел возле окопа.

Осторожно открыл конверт.

Внутри лежало четыре страницы.

Чернила местами немного расплылись.

Будто автор долго держал письмо в руках перед отправкой.

Руслан.

Не знаю, сколько дней прошло с тех пор, как ты уехал. Здесь время стало каким-то странным. Иногда кажется, что прошёл всего один день, а иногда будто целая жизнь.

Я очень переживала, пока не получила твоё письмо. На-

верное, ты даже не представляешь, сколько раз я подходила к почтальону и спрашивала, нет ли чего-нибудь для меня. Он уже начал узнавать меня издали и только качал головой. Каждый раз я уходила с надеждой, что завтра обязательно будет письмо.

Когда наконец увидела конверт с твоим именем, долго не решалась открыть его. Почему-то боялась. Странно, правда? Я так ждала этих строк, но в тот момент испугалась того, что могу в них прочитать.

Прочитала его один раз.

Потом второй.

А вечером — ещё раз.

Теперь оно лежит у меня под подушкой. Иногда перед сном я достаю его и снова перечитываю. Мне кажется, пока я держу его в руках, между нами становится немного меньше расстояния.

У нас в госпитале работы становится всё больше. Раненых привозят почти каждый день. Иногда кажется, что двери здесь совсем перестали закрываться.

Я познакомилась с девушкой. Её зовут София. Она приехала из Львова. Мы с ней почти одного возраста. По вечерам, когда появляется хоть немного свободного времени, мы садимся возле окна и пьём чай. София мечтает открыть после войны маленькую пекарню. Она говорит, что больше всего скучает по запаху свежего хлеба. Представляешь? Среди всего, что происходит вокруг, человек мечтает не о

богатстве и не о славе, а просто о тёплом хлебе. Наверное, война учит ценить именно такие вещи.

Есть ещё пани Мария. Она старше нас почти на сорок лет. Всё время делает вид, что сердится. Ругает нас за то, что мы забываем есть, а потом незаметно подкладывает нам лишний кусочек сахара. Вчера она накрыла меня своим платком, потому что я уснула прямо за столом. Утром сказала, что ей просто было жалко смотреть, как я мёрзну. После этого снова начала ворчать, будто ничего не произошло.

Иногда мне кажется, что именно такие люди не дают войне окончательно победить.

Сегодня я проходила мимо университета. Всё осталось почти таким же. Те же ступени. Те же деревья. Те же часы на башне.

Только вас с Аббасом там больше нет.

Я остановилась под часами и неожиданно поймала себя на том, что смотрю по сторонам. Будто сейчас ты опять появишься с книгами под мышкой, а Аббас будет кричать издали, чтобы мы не опоздали на лекцию.

Наверное, память иногда сильнее реальности.

Знаешь я скучаю по самым обычным вещам.

По тому, как ты смеялся над своими же шутками.

По нашим прогулкам.

По тому вечеру возле общежития.

По тому, как ты всегда шёл чуть впереди, а потом вдруг

останавливался, чтобы дожидаться меня.

Раньше мне казалось, что счастье — это что-то большое. Сейчас я понимаю, что счастье — это просто возможность идти рядом с человеком, которого любишь.

Иногда мне становится страшно. Не потому, что вокруг война. К этому, наверное, невозможно привыкнуть.

Мне страшно, что однажды почтальон снова придёт и ничего не принесёт.

Поэтому, пожалуйста, пиши мне всегда, когда сможешь. Даже если письмо будет совсем коротким.

Даже если ты напишешь всего одну строчку.

«Я жив.»

Для меня этих двух слов будет достаточно, чтобы спокойно уснуть.

Я очень хочу верить, что однажды мы снова встретимся под нашими часами.

И тогда ты будешь рассказывать мне всё то, о чём сейчас молчишь в своих письмах.

Я ведь чувствую, что ты не пишешь мне всей правды.

Но я не обижаюсь.

Наверное, если бы я была на твоём месте, я поступила бы так же.

Береги себя, Руслан.

Я жду не только твои письма.

Я жду тебя.

С любовью,

ТВОЯ ЭНЬЖЕ

Руслан дочитал письмо.

Закрыл глаза.

И впервые после начала войны почувствовал, что где-то далеко существует мир, в котором ещё умеют мечтать о пекарне, спорить из-за сахара и смотреть на часы университета.

Он аккуратно сложил письмо.

Прижал его к груди.

И тихо сказал:

— Спасибо

Никто не услышал этих слов.

Кроме ночи.

Глава 14. Цена тишины

Осень окончательно вступила в свои права.

Дождь шёл уже третий день подряд.

Не сильный.

Мелкий.

Настойчивый.

Он не прекращался ни утром, ни ночью.

Вода медленно стекала по стенкам окопов, превращая землю в тяжёлую липкую грязь.

Солдаты давно перестали ругаться.

Они просто молча выливали воду касками, укрепляли стенки досками и снова ждали.

Руслан заметил одну странную вещь.

На войне человек очень быстро перестаёт мечтать о чём-то большом.

Сначала хочется победить.

Потом — выспаться.

Потом — чтобы не промокли сапоги.

Иногда счастьем становилась сухая шинель.

— Подъём! Проверка укреплений!

Сержант прошёл вдоль окопов.

Руслан вместе с Аббасом взяли лопаты.

За последние недели руки покрылись мозолями.

Ладони стали грубее.

Руслан иногда смотрел на них и вспоминал университет.
Там эти руки держали карандаш, линейку и книги.
Теперь они почти каждый день держали землю.
Окоп тянулся почти на двести метров.
На каждом участке были люди.
Руслан уже знал почти всех.
Высокий Иван из Минска.
Тихий Януш.
Весёлый Михаил, который раньше работал музыкантом.
Пожилой сапожник Станислав.
Каждый занимался своим делом.
И никто не спрашивал, когда всё это закончится.
Наверное, потому что никто не знал ответа.
Руслан подошёл к одному из старших солдат.
Тот сидел возле небольшого зеркала.
Медленно брился.
Руслан остановился.
— Доброе утро.
Мужчина улыбнулся.
— Доброе.
— Можно спросить?
— Конечно.
— Зачем вы бреетесь каждый день?
Солдат продолжал аккуратно вести бритвой по щеке.
Будто вопрос был самым обычным.
— Потому что дома меня всегда таким видела мама.

Руслан промолчал.

Мужчина вытер лицо полотенцем.

Потом спокойно добавил:

— Если завтра меня убьют

я не хочу, чтобы она увидела меня небритым.

Руслан почувствовал, как внутри всё сжалось.

Он хотел что-то ответить.

Но слов не нашлось.

Мужчина улыбнулся.

Совсем по-доброму.

— Не переживай.

Пока бреюсь — значит, живой.

После обеда обстрела не было.

Это удивляло.

Такая тишина всегда казалась подозрительной.

Аббас сидел на пустом ящике из-под патронов.

Чинил ремень.

— Руслан.

— Что?

— Знаешь

После войны я никогда больше не буду жаловаться.

— На что?

— На очередь за хлебом.

Руслан усмехнулся.

— Почему?

— Потому что очередь хотя бы не стреляет.

Несколько солдат рядом рассмеялись.

Даже капитан улыбнулся краем губ.

Руслан посмотрел на Аббаса.

— Откуда у тебя вообще берутся такие мысли?

Аббас пожал плечами.

— Если перестану шутить

война победит раньше времени.

Руслан ничего не сказал.

Но запомнил эти слова.

Вечером над окопами впервые за долгое время показалось
солнце.

Оно быстро исчезало за деревьями.

Небо стало золотистым.

Руслан поднялся на небольшой пригорок.

Отсюда было видно почти всё расположение части.

Разбитые деревья.

Дымящиеся воронки.

Усталые люди.

И где-то далеко

стая птиц.

Они спокойно летели на юг.

Им было всё равно, где проходит фронт.

Руслан долго смотрел им вслед.

Иногда природа словно не замечает человеческих войн.

Ночью пришла почта.

Но сегодня письмо получил не Руслан.

Конверт протянули Аббасу.

Он удивился.

— От кого?

Почтальон улыбнулся.

— Узнаешь.

Аббас долго рассматривал знакомый почерк.

Потом осторожно открыл письмо.

Читал медленно.

Иногда улыбался.

Иногда качал головой.

Руслан впервые видел друга таким тихим.

Когда письмо закончилось, Аббас аккуратно сложил его.

Руслан не выдержал.

— Мама?

Аббас кивнул.

— Да.

Некоторое время они молчали.

Потом Аббас неожиданно протянул письмо.

— Почитай.

Руслан покачал головой.

— Нет.

Это твоё.

Аббас улыбнулся.

— Она всё равно написала бы тебе то же самое.

Руслан всё же взял лист.

Письмо было коротким.

Очень простым.

СЫНОК.

У нас всё хорошо.

Соседи помогают.

Овец пока не продавали.

Каждый вечер молюсь за тебя.

Если встретишь хороших людей — держись рядом с ними.

Один человек не всегда может победить беду.

*А двое уже могут.**

Береги себя.

И береги Руслана.

Я теперь молюсь и за него тоже.

Мама.

Руслан долго смотрел на последние строки.

Потом осторожно вернул письмо.

— Хорошая у тебя мама.

Аббас улыбнулся.

— Самая лучшая.

— Она правда молится за меня?

— Конечно.

Руслан отвернулся.

Он вдруг вспомнил свою мать.

Сколько времени прошло с тех пор, как он получил её последнее письмо?

Месяц?

Или больше?

На войне время переставало быть точным.

Поздно ночью Руслан достал чистый лист бумаги.

Долго сидел.

Потом написал:

Эньже

И остановился.

Он хотел рассказать ей о первом бое.

О погибшем парне.

О матери, которая никогда не узнает последних слов сына.

О старом солдате, который каждое утро бреется.

О том, что страх никуда не исчезает.

Он написал почти страницу.

Потом перечитал.

Медленно сложил лист.

И разорвал его.

Слишком много боли.

Он не хотел отдавать её Эньже.

Взял новый лист.

Начал снова.

Опять остановился.

Снова порвал.

Лишь с третьей попытки он написал письмо, которое решился отправить.

Письмо, в котором было меньше правды.

Но больше любви.

И где-то далеко, в госпитале, Эньже ещё не знала, что

между каждым письмом, которое она получает, остаются десятки строк, которые Руслан никогда не отправит.

Глава 15. Пока приходит почта

Утро началось необычно тихо.

Даже птицы сегодня почти не пели.

Руслан проснулся раньше остальных.

Он осторожно выбрался из землянки, стараясь никого не разбудить.

Воздух был холодным.

По траве лежал густой иней.

Осень медленно приближалась к зиме.

Он подошёл к краю окопа.

Перед ним расстиралось поле.

То самое поле, где всего несколько дней назад шёл бой.

Теперь оно выглядело почти мирно.

Если не считать чёрных воронок.

Если не считать обгоревших деревьев.

Если не считать тишины.

Руслан вдруг поймал себя на мысли, что война умеет очень быстро делать страшное привычным.

И именно это пугало его больше всего.

Через несколько минут рядом появился Аббас.

Он протянул Руслану жестяную кружку.

— Держи.

— Спасибо.

Руслан сделал маленький глоток.

Чай был почти без вкуса.

Но сейчас он казался лучшим напитком на свете.

Аббас посмотрел на горизонт.

— Интересно

Как думаешь, что сейчас делают наши?

— Какие именно?

— Дома.

Руслан улыбнулся.

— Мама, наверное, опять рано проснулась.

Отец уже давно во дворе.

Если что-то не строит, значит обязательно чинит.

Аббас засмеялся.

— Мой тоже.

Кажется, у всех отцов есть привычка находить работу даже там, где её нет.

Некоторое время они молчали.

Руслан вдруг вспомнил, как однажды отец сказал ему:

— Дом никогда не строится за один день.

Каждый вечер нужно сделать хотя бы что-то.

Пусть даже один гвоздь забить.

Через год оглянешься — и увидишь дом.

Тогда Руслан не придавал этим словам значения.

Теперь часто вспоминал их.

После завтрака капитан собрал всех.

— Сегодня без атак.

Но работы хватает.

Нужно восстановить линию связи.

Немцы перебили телефонный кабель.

Кто умеет работать с инструментом?

Поднялось несколько рук.

Руслан тоже поднял свою.

Капитан кивнул.

— Пойдёшь с ремонтной группой.

Через несколько минут пятеро солдат уже шли вдоль око-

пов.

Телефонный провод тянулся между деревьями.

Во многих местах он был оборван.

Руслан внимательно осмотрел повреждения.

— Если соединить так

Он показал узел.

— Связь будет держаться.

Пожилой связист удивлённо посмотрел на него.

— Ты этим занимался?

— Нет.

Просто люблю понимать, как всё устроено.

Старик улыбнулся.

— Хороший инженер сначала думает.

Потом делает.

Запомни это.

Руслан кивнул.

Эти слова почему-то напомнили ему университет.

На мгновение показалось, будто войны вовсе нет.

К вечеру связь восстановили.

Когда в телефонной трубке впервые прозвучал голос соседнего подразделения, связист облегчённо выдохнул.

— Работает

Иногда победой становилась вовсе не захваченная высота.

Иногда победой был обычный человеческий голос, который снова можно услышать.

После ужина возле землянки собрались несколько солдат.

Кто-то достал старую колоду карт.

Кто-то закурил.

Михаил, бывший музыкант, держал в руках губную гармошку.

— Сыграй что-нибудь.

Он покачал головой.

— Не хочу.

— Почему?

— Боюсь забыть, как звучала музыка без войны.

Все замолчали.

Тогда Аббас хлопнул его по плечу.

— Играй.

Если забудешь — мы тебе напомним.

Михаил улыбнулся.

Поднёс губную гармошку к губам.

Над окопами медленно поплыла тихая мелодия.

Руслан никогда раньше её не слышал.

Но почему-то вспомнил Алматы.

Каспийский ветер.

Двор.

Отец что-то мастерит возле дома.

Мама зовёт ужинать.

Он закрыл глаза.

И впервые за долгое время позволил себе ненадолго вернуться домой.

Музыка закончилась.

Никто не хлопал.

Здесь не было зрителей.

Были только люди, которым на несколько минут стало легче.

Аббас тихо сказал:

— После войны я обязательно научусь играть.

Михаил улыбнулся.

— Почему?

— Чтобы мои дети никогда не слышали других звуков вместо музыки.

Руслан посмотрел на друга.

Такие слова не приходят случайно.

Война уже меняла Аббаса.

Когда все начали расходиться, к окопу подошёл почтальон.

Его сумка сегодня выглядела почти пустой.

— Почта.

Несколько человек сразу поднялись.

Почтальон начал называть фамилии.

Кто-то получил письмо.

Кто-то — ничего.

Руслан слушал молча.

Его фамилия не прозвучала.

Он почувствовал лёгкое разочарование.

Не обиду.

Не злость.

Только пустоту.

Почтальон уже собирался уходить.

Но вдруг остановился.

— Подожди

Кажется

Есть ещё одно.

Он снова открыл сумку.

Долго перебирал конверты.

Потом улыбнулся.

— Нашёл.

Руслан быстро подошёл.

Почерк был незнакомым.

Не матери.

Не Эньже.

На обратной стороне конверта стояло только одно слово.

«Алматы.»

Руслан осторожно провёл пальцем по бумаге.

Почему-то открывать письмо сразу ему не хотелось.

Иногда ожидание правды кажется легче, чем сама правда.
Он медленно убрал конверт во внутренний карман.
И решил прочитать его только ночью.

Не зная, что именно это письмо навсегда изменит его жизнь.

Глава 15. Пока приходит почта

Часть II

Ночь выдалась непривычно спокойной.

Небо было ясным.

Звёзды казались такими яркими, будто война существовала где-то совсем в другом мире.

Руслан сидел у входа в землянку.

В руках он держал тот самый конверт.

Несколько раз переворачивал его.

Проводил пальцем по бумаге.

Но открыть так и не решался.

— Не читаешь? — спросил Аббас.

— Пока нет.

— Боишься?

Руслан задумался.

— Наверное

Да.

Аббас присел рядом.

— Странная вещь

Когда ждёшь письмо — боишься, что его не будет.

Когда письмо приходит — боишься его открыть.

Руслан тихо усмехнулся.

— Значит, выбора нет.

— Нет.

Руслан глубоко вдохнул.

Осторожно сломал сургучную печать.

Развернул сложенный лист.

Почерк оказался знакомым.

Очень знакомым.

Это писал отец.

Руслан невольно улыбнулся.

Будто огромный камень свалился с души.

Он начал читать.

Здравствуй, сын.

Мама говорит, что ты теперь совсем взрослый человек и письма нужно писать серьёзные. А я всё равно не умею красиво писать, поэтому напишу как умею.

У нас дома всё спокойно. Осень в этом году ранняя. По утрам уже холодно. Во дворе опять развалился старый забор. Я его два дня чинил, а сосед смеётся, говорит, что проще новый поставить. Может, он и прав, но мне всегда жалко выбрасывать то, что ещё можно спасти.

Мама каждый день ждёт почтальона. Делает вид, что просто вышла во двор, а сама всё время смотрит на дорогу. Когда приходит твоё письмо, сначала читает сама. Потом вечером читает мне вслух ещё раз. А на следующий день, кажется, перечитывает снова.

Она очень скучает.

Хотя никогда в этом не признается.

Я тоже скучаю, сын.

Просто мужчины почему-то редко говорят такие слова.

Помнишь, как мы строили сарай возле дома?

Ты тогда всё время забивал гвозди криво и сердился.

А я сказал тебе одну вещь.

Не торопись.

Если криво начал — не бойся вытащить гвоздь и начать заново.

Иногда переделать — не стыдно.

Стыдно оставить плохо только потому, что жалко времени.

Тогда ты обиделся.

А вечером всё-таки переделал.

Знаешь

Мне кажется, жизнь очень похожа на стройку.

Иногда приходится начинать заново.

И это нормально.

Только людей, сын, нельзя строить так же, как дома.

У каждого свой фундамент.

Береги тех, кто рядом.

Хорошие люди встречаются редко.

Если судьба подарила тебе такого друга, как Аббас, не теряй его.

И ещё

Мама рассказала мне про девушку.

Не переживай.

Я не ругаюсь.

Если однажды привезёшь её домой — познакомимся.

Только сначала вернись.

Дом без хозяина пустеет.

А родители без детей стареют быстрее.

Мы с мамой ждём тебя.

Возвращайся.

Крепко обнимаю.

Твой отец.

Руслан долго сидел неподвижно.

Потом аккуратно сложил письмо.

Провёл рукой по подписи.

Словно хотел прикоснуться к руке отца.

— Всё хорошо? — тихо спросил Аббас.

Руслан кивнул.

— Да

Очень хорошо.

Он посмотрел в небо.

Почему-то именно сейчас ему захотелось снова оказаться мальчишкой.

Чтобы отец опять учил его держать молоток.

Чтобы мама звала домой.

Чтобы самым большим несчастьем был криво забитый гвоздь.

Он достал конверт Эньже.

Потом письмо матери.

Теперь рядом лежало и письмо отца.

Три письма.

Три разных почерка.

Три человека.

Которые сейчас были далеко.

Руслан вдруг понял одну простую вещь.

Война забрала у него почти всё.

Но пока приходят письма

Дом ещё существует.

Он осторожно сложил их вместе.

И убрал во внутренний карман гимнастёрки.

Поближе к сердцу.

В эту ночь Руслан спал спокойно.

Он ещё не знал

что это будет последнее письмо, которое отец успеет написать ему при жизни.

Глава 16. Свет в окне

Прошла почти неделя.

Фронт снова замолчал.

Эта тишина уже никого не успокаивала.

Солдаты давно поняли: если война молчит, значит, она просто переводит дыхание.

Утро выдалось солнечным.

За много дней впервые показалось голубое небо.

Капитан разрешил снять мокрые шинели и просушить их.

Весь лагерь неожиданно ожил.

Кто-то стирал форму в холодной речке.

Кто-то чинил сапоги.

Кто-то брился, глядя в маленькое карманное зеркало.

Казалось, на несколько часов люди снова вспомнили, кем были до войны.

Руслан сидел на перевёрнутом ящике и читал письмо отца.

Уже в четвёртый раз.

Каждый раз он находил строки, которые раньше будто не замечал.

«Иногда приходится начинать заново.»

Он задумался.

Когда-то эти слова были о строительстве.

Теперь они звучали совсем иначе.

На войне почти каждый день приходилось начинать заново.

После обстрела — строить окоп.

После потери товарища — заново учиться жить.

После каждого письма — заново ждать.

— Опять читаешь? — спросил Аббас.

Руслан улыбнулся.

— У каждого письма есть свой голос.

— И какой голос у твоего отца?

Руслан ненадолго задумался.

— Спокойный.

Такой, которому веришь сразу.

Аббас кивнул.

— У моей мамы наоборот.

Когда читаю её письма, кажется, будто она стоит рядом и разговаривает без остановки.

Они рассмеялись.

Совсем тихо.

Чтобы не спугнуть этот редкий момент.

После обеда в лагерь привезли молодое пополнение.

Совсем юные лица.

Некоторым едва исполнилось восемнадцать.

Один парень долго ходил между землянками, явно кого-то искал.

Потом подошёл к Руслану.

— Извините

Можно спросить?

— Конечно.

— Здесь страшно?

Руслан посмотрел на него.

В этих глазах он увидел самого себя несколько недель назад.

Он мог соврать.

Мог сказать: «Нет.»

Но вспомнил слова отца.

«Плохо строить нельзя.»

И ответил честно.

— Да.

Страшно.

Парень опустил голову.

Руслан продолжил:

— Но знаешь

Страх — это не слабость.

Плохо, когда человек перестаёт бояться.

Потому что именно тогда он начинает совершать глупости.

Юноша молча кивнул.

— Спасибо

Он ушёл.

Аббас усмехнулся.

— Уже советы раздаёшь.

Руслан пожал плечами.

— Мне самому когда-то не хватало такого ответа. Тем же вечером Руслан наконец сел писать Эньже. На этот раз он не рвал листы. Он просто писал.

Эньже.

Севодня у нас впервые за долгое время выглянуло солнце. Забавно, как быстро человек начинает радоваться самым простым вещам. Кажется, ещё совсем недавно мы не замечали хорошую погоду. Теперь весь лагерь вышел сушить одежду, и кто-то даже сказал, что пахнет домом. Наверное, потому что мокрая форма наконец перестала пахнуть сырой землёй.

Я снова перечитал письмо отца. Он написал, что дома всё стоит на своих местах. Пачему-то после этих слов мне стало легче. Будто я ненадолго вернулся домой. Представил наш двор, старый забор и маму, которая, наверное, опять переживает больше, чем говорит.

Здесь появился совсем молодой парен Он спросил меня, страшно ли на войне. Я ответил честно. Потом долго думал, что ещё месяц назад этот вопрос задал бы кто-нибудь мне самому.

Ты кагда-то сказала, что человек взрослеет не по гадам, а по таму, что ему пришлось пережить. Тагда я не совсем понял твои слова. Теперь, кажется, начинаю панимать.

Как ты? Как София? Не ругается ли ещё пани Мария, что вы забываете поесть? Почему-то мне кажется, что

она заботится а вас так же, как наши матери заботились бы а нас.

Иногда я закрываю глаза и представляю университет. Коридоры, аудитории и часы на башне. Не знаю почему, но мне очень хочется верить, что ани всё ещё идут. Пока идут они, будто наше время ещё не астановилось.

Я скучаю.

Не только на тебе.

Па жизни рядом с тобой.

Береги себя. люблю тебя

Твой Руслан.

Он перечитал письмо.

На этот раз не исправил ни одного слова.

Аббас, проходя мимо, улыбнулся.

— Уже мало ошибок?

Руслан посмотрел на лист.

И только сейчас понял

Он действительно сделал мало ошибок

Но почему-то это совсем не обрадовало его.

Он вспомнил, как когда-то Эньже смеялась, исправляя его ошибки

И вдруг подумал:

Лучше бы я всё ещё писал с ошибками если бы это означало, что войны никогда не было.

Он аккуратно сложил письмо.

И положил его в конверт.

Не зная, что через несколько недель Эньже напишет ему именно те слова, которые навсегда останутся в его памяти:

«Ты стал писать чуть грамотнее. Но мне иногда не хватает того Руслана, который путал буквы и смешил меня своими ошибками»

Руслан ещё не понимал, что вместе с ошибками из его писем постепенно исчезала и беззаботность.

Глава 17. Наступление

Госпиталь жил своей обычной жизнью.
За окном уже темнело.
Пани Мария раскладывала чистые бинты.
София записывала фамилии новых раненых.
Эньже заканчивала перевязку молодому солдату.
В этот момент в дверь осторожно постучали.
— Почта.
Эньже машинально подняла голову.
Почтальон сказал
— Кажется
сегодня письмо не от того, кого вы ждёте.
Она удивилась.
Взяла конверт.
Почерк был незнакомым.
Сердце почему-то сразу забилось быстрее.
На обратной стороне стояло всего одно слово.
«Аббас.»
Она замерла.
Несколько секунд просто смотрела на конверт.
— Всё хорошо? — спросила София.
Эньже холодным тоном ответила
— Не знаю
Она вышла в пустой коридор.

Села возле окна.

Очень медленно открыла письмо.

Первые строки.

Эньже. Здравствуйте.

Это Аббас.

Руки начали дрожать.

Она читала дальше.

Чем дальше читала

тем сильнее холодели пальцы.

Наверное, ты удивилась, увидев не почерк Руслана.

Честно говоря

я очень надеюсь, что после этого письма ты не испугаешься так сильно, как испугался я.

На прошлой неделе, ещё до рассвета, нас подняли по тревоге.

Было очень тихо.

Даже слишком.

Старики говорили, что такая тишина никогда не заканчивается добром.

Они оказались правы.

Сначала начался артиллерийский обстрел.

Такого сильного огня я ещё не видел.

Земля ходила ходуном.

Казалось, что сам воздух разрывается на куски.

Мы почти ничего не видели из-за дыма и поднятой земли.

Через несколько минут пропала связь со штабом.

Командир приказал срочно восстановить телефонный кабель.

Руслан сразу вызвался.

Я тоже сделал шаг вперёд.

Но командир оставил меня в окопе.

Сказал, что кто-то должен прикрывать остальных.

Если честно

до сих пор думаю, что должен был пойти вместо него.

Может быть, тогда всё сложилось бы иначе.

Руслан вместе со связистом успели восстановить линию.

Я видел, как командир махнул им рукой возвращаться.

Они уже почти добежали.

Почти

В этот момент один из молодых солдат замер прямо посреди открытого участка.

Наверное, растерялся.

Наверное, испугался.

Я закричал ему.

Другие тоже кричали.

Но он будто ничего не слышал.

Руслан был ближе всех.

Он даже не посмотрел по сторонам.

Просто бросился к нему.

Я до сих пор помню этот момент.

Он толкнул мальчишку изо всех сил.

И в ту же секунду

Когда дошла до слов:

раздался взрыв.

Она перестала дышать.

Перед глазами всё поплыло.

Письмо едва не выпало из рук.

Мне показалось, что сердце остановилось.

Когда дым рассеялся
я увидел Руслана на земле.

Наверное

это были самые длинные секунды в моей жизни.

Я бежал к нему и всё время повторял одну и ту же молитву.

Даже не замечал, что говорю её вслух.

Когда подбежал

он открыл глаза.

И знаешь, что он сказал?

Представляешь

Он посмотрел на меня и тихо улыбнулся.

Сказал:

— **Кажется теперь письмо придётся писать тебе**

Даже тогда он думал не о себе.

А о тебе.

Наверное, сейчас ты уже очень переживаешь.

Поэтому дальше я сразу напишу самое главное.

И только увидев слова

Руслан жив.

резко закрыла глаза.

Воздуха вдруг стало слишком мало.

Она прижала письмо к груди.

И впервые за всё время войны позволила себе заплакать.

Тихо.

Беззвучно.

Слёзы сами катились по щекам.

Не от горя.

От облегчения.

Его успели вывезти в полевой госпиталь.

Вчера я ездил к нему.

Врач сказал, что ему очень повезло.

Осколок прошёл совсем рядом.

Ему ещё тяжело двигаться, но опасность уже позади.

Когда я пришёл, он первым делом спросил вовсе не о себе.

Он спросил:

— **Эньже не знает?**

Я сказал, что не знает.

Тогда он попросил меня написать тебе.

Сказал:

— **Пусть не переживает. Иначе будет ругать меня сильнее врачей.**

Я впервые за долгое время увидел, как он смеётся.

Хоть и совсем недолго.

Он просил передать тебе, что следующее письмо обязательно напишет сам.

Только сказал, что теперь ему придётся учиться писать левой рукой, потому что правой пока тяжело держать ручку.

Не переживай.

Он обязательно поправится.

Я обещал ему, что сохраню все письма, пока он снова не сможет их читать и писать сам.

И ещё

Спасибо тебе.

Не удивляйся этим словам.

Я много раз замечал одну вещь.

После каждого твоего письма Руслан становился другим.

Будто вместе с конвертом к нему возвращалась часть дома.

Часть той жизни, за которую он сейчас сражается.

Береги себя.

И пожалуйста

Напиши ему.

Я знаю, что он очень ждёт твоих писем.

Твой друг,

Аббас.

Через несколько минут рядом молча села София.

Она ничего не спрашивала.

Просто достала платок.

И вложила его в ладонь Энъже.

— Жив?

Энъже кивнула.

Не открывая глаз.

— Жив

София улыбнулась.

И тихо прошептала:

— Тогда плачь.

Пока можно.

Эньже вдруг тихо засмеялась сквозь слёзы.

— Ты странная

— Все медсёстры странные.

Иначе здесь нельзя.

Они ещё долго сидели молча.

Иногда человеку не нужны советы.

Достаточно, чтобы рядом кто-то был.

Поздно ночью госпиталь наконец затих.

Эньже не могла уснуть.

Перед ней лежало письмо Аббаса.

Она перечитала его ещё раз.

Особенно ту строчку:

«Даже тогда он думал не о себе. А о тебе.»

Она долго смотрела на эти слова.

Потом достала чистый лист бумаги.

Взяла ручку.

И начала писать.

Руслан.

Сегодня я получила письмо.

Но впервые в жизни испугалась ещё до того, как открыла

конверт.

Когда увидела почерк Аббаса, мне показалось, что сердце перестало биться.

Наверное, эти несколько минут были самыми длинными в моей жизни.

Пока читала письмо, я всё время повторяла только одну просьбу.

Пусть ты будешь жив.

Всё остальное уже не важно.

Потом я увидела эти два слова.

«Руслан жив.»

Никогда не думала, что два обычных слова могут вернуть человеку целый мир.

Знаешь

Я сначала хотела тебя отругать.

Очень сильно.

За то, что полез туда первым.

За то, что снова не пожалел себя.

За то, что заставил меня пережить этот страх.

Но потом поняла

Если бы ты поступил иначе

Это был бы уже не мой Руслан.

Поэтому вместо того чтобы ругать тебя

Я просто скажу спасибо.

Спасибо, что остался жив.

Я рада чтополучила назад целый мир

Теперь обещаю тебе одну вещь.

Не геройствуй там, где можно остаться человеком.

Я знаю, ты сейчас улыбнулся.

И, наверное, подумал:

«Легко ей говорить.»

Да.

Легко.

Потому что я не слышу взрывов.

Но знаешь, что слышу я?

Каждый вечер я слышу, как открывается дверь госпиталя.

И каждый раз боюсь увидеть носилки, на которых можешь оказаться ты.

Поэтому не сердись на меня за эти слова.

Я просто очень хочу однажды снова встретить тебя.

Не в госпитале.

Не на вокзале.

А под нашими часами.

Там, где всё когда-то началось.

Поправляйся.

Я буду ждать твоего письма.

И тебя.

Всегда.

Твоя Эньже.

И она долго не могла сложить письмо.

Потому что на бумагу одна за другой падали слёзы.

Она боялась, что чернила расплывутся.
Потом вдруг улыбнулась.
И тихо сказала сама себе:
— Пусть расплывутся
Он всё равно поймёт.

Глава 18. За этой стеной

Запах лекарств чувствовался ещё у входа.

К нему примешивались запах сырой древесины, карболовой кислоты и дыма от железной печки.

Руслан медленно открыл глаза.

Белый потолок.

Незнакомая комната.

Где-то совсем рядом кто-то тяжело кашлял.

За ширмой тихо разговаривали медсёстры.

Он попытался пошевелиться.

Правая нога сразу отозвалась тупой болью.

Руслан тихо поморщился.

— Не двигайтесь.

Женский голос прозвучал спокойно.

Пожилой врач подошёл к кровати.

— Повезло вам.

Руслан посмотрел на него.

— Я

где?

— В военном госпитале.

Осколок прошёл совсем рядом с костью.

Ещё немного — и ногу пришлось бы ампутировать.

Руслан молча закрыл глаза.

Почему-то он подумал вовсе не о себе.

Он вспомнил чертёжный карандаш.
Лестницы.
Мосты.
Университет.
И только потом понял, что ещё сможет ходить.
Следующие дни проходили одинаково.
Перевязка.
Уколы.
Лекарства.
Короткие разговоры с ранеными.
Ночью госпиталь никогда полностью не засыпал.
Кто-то стонал.
Кто-то звал мать.
Кто-то разговаривал во сне.
Руслан начал понимать, что боль тоже бывает разной.
Иногда болит тело.
Иногда — память.
И вторую вылечить гораздо труднее.
На четвёртый день он смог встать.
Всего на несколько шагов.
Каждый из них давался тяжело.
Но врач только улыбнулся.
— Уже лучше.
Руслан медленно дошёл до окна.
Во дворе госпиталя рос старый клён.
Почти все листья уже стали жёлтыми.

Ветер один за другим срывал их с ветвей.

Руслан долго смотрел.

Потом вдруг вспомнил слова отца:

— Осенью деревья не умирают.

Они просто учатся отпускать.

Он тихо улыбнулся.

Вечером в палату вошёл санитар.

— Руслан?

— Да.

— Вам письмо.

Руслан сразу сел.

Почерк.

Он узнал его мгновенно.

Эньже.

Пальцы дрогнули.

Он открыл конверт.

Внутри лежало письмо, местами размытое каплями.

Он провёл пальцем по чернилам.

И почему-то сразу понял.

Это были не дождевые капли.

Он медленно начал читать.

Чем дальше читал

тем сильнее улыбался.

Когда дошёл до слов:

«Я получила назад целый мир»

он тихо опустил голову.

Закрыв глаза.

И впервые за всё время в госпитале позволил себе просто быть счастливым.

Недолго.

Несколько минут.

Но по-настоящему.

На следующее утро врач разрешил ему ненадолго выйти во двор.

Руслан медленно шёл по дорожке, опираясь на деревянную трость.

Каждый шаг отзывался болью.

Но свежий воздух стоил этого.

Во дворе было тихо.

Несколько медсестёр развешивали простыни.

Кто-то вёз тележку с лекарствами.

Руслан остановился.

Вдалеке мелькнула знакомая фигура.

Белый халат.

Тёмные волосы, собранные под косынкой.

Девушка несла стопку бинтов.

Она была слишком далеко.

Руслан не видел лица.

Но сердце вдруг забилось быстрее.

«Нет»

Он покачал головой.

«Показалось.»

Девушка скрылась за углом здания.

Руслан ещё долго смотрел в ту сторону.

Не зная

что это действительно была Эньже.

И что между ними в тот момент было меньше пятидесяти метров.

Но они так и не встретились.

В это же время Эньже вышла из перевязочной.

София заметила, что подруга всё время смотрит в сторону соседнего корпуса.

— Кого ищешь?

Эньже смутилась.

— Никого.

— Врёшь.

Эньже тихо улыбнулась.

— Просто

мне иногда кажется

что он где-то рядом.

София посмотрела на неё долгим взглядом.

Потом спокойно сказала:

— Иногда сердце замечает человека раньше, чем глаза.

Эньже ничего не ответила.

Только ещё раз посмотрела на двор.

Туда, где несколько секунд назад стоял Руслан.

Но дорожка уже была пуста.

Тем же вечером Руслан начал писать ответ.

Он долго смотрел на чистый лист.

Потом впервые после ранения уверенно вывел:

«Любимая Эньже»

Он остановился.

Перечитал первое слово.

Улыбнулся.

И уже не зачеркнул его.

Глава 19. Три дня

В госпитале впервые за долгое время пахло свежим хлебом.

Кто-то из местных жителей принёс несколько буханок для раненых.

Запах мгновенно разлетелся по палатам.

Руслан улыбнулся.

Он и не заметил, как соскучился по таким простым вещам.

Не по праздникам.

Не по богатой еде.

По обычному тёплому хлебу.

Утром врач снял повязку.

Долго осматривал ногу.

Потом попросил пройтись.

Руслан медленно сделал несколько шагов.

Хромота ещё оставалась.

Но боль уже не была такой острой.

Врач снял очки.

— Для фронта рано.

Но лежать здесь тоже больше незачем.

Руслан внимательно посмотрел на него.

— Что это значит?

— Через два дня тебя переведут в резервную часть.

Несколько дней на восстановление, потом снова служба.

Руслан кивнул.

Он ожидал именно этого.

Но врач неожиданно добавил:

— Есть ещё одна возможность.

Если хочешь, можешь оформить трёхдневный отпуск по выздоровлению.

Руслан не сразу понял смысл услышанного.

— Отпуск?

— Да.

Всего три дня.

Недалеко отсюда проходят санитарные поезда. Если успеешь — сможешь съездить туда, где тебя ждут.

Врач улыбнулся.

— Иногда человеку лекарства уже не помогают.

А одна встреча помогает больше любой таблетки.

Весь день Руслан думал только об одном.

Стоит ли?

Три дня.

Потом снова фронт.

Может быть

это единственный шанс.

Вечером он достал письмо Эньже.

Внизу, под подписью, был адрес госпиталя.

Он перечитал его несколько раз.

Словно боялся, что буквы исчезнут.

Аббас приехал на следующий день.

Как только увидел друга, сразу крепко обнял.

— Живой

Руслан рассмеялся.

— Пока да.

Они долго разговаривали.

О фронте.

О ребятах.

О том самом молодом солдате, которого Руслан спас.

— Его зовут Павел, — сказал Аббас. — Он всё время спрашивает о тебе. Говорит, что теперь обязан тебе жизнью.

Руслан покачал головой.

— Ничего он не обязан.

Пусть просто живёт.

Это будет лучшая благодарность.

Когда разговор почти закончился, Руслан вдруг спросил:

— Аббас

Как думаешь

если у человека есть всего три дня

на что их стоит потратить?

Аббас даже не задумался.

— На того, кого любишь.

Руслан усмехнулся.

— Я тоже так подумал.

На следующее утро он получил документы.

Небольшую сумку.

Чистую форму.

И разрешение покинуть госпиталь на трое суток.

Перед выходом врач остановил его.

— Не геройствуй.

Руслан улыбнулся.

— Обещаю.

— Нет.

Не мне обещай.

Той девушке, к которой едешь.

Руслан ничего не ответил.

Только крепче сжал в кармане её письма.

Санитарный поезд отходил через час.

Руслан занял место у окна.

Вагон был почти пуст.

За стеклом медленно проплывали поля.

Разрушенные станции.

Опустевшие деревни.

Следы войны были повсюду.

Но поезд всё равно шёл вперёд.

Как будто упрямо доказывал, что жизнь ещё не остановилась.

Руслан достал из кармана маленькую коробочку.

Он купил её утром у пожилого часовщика рядом со станцией.

Внутри лежал простой серебряный кулон.

Без драгоценных камней.

Без украшений.

Только крошечный мост, аккуратно выгравированный на металле.

Продавец спросил:

— Почему именно мост?

Руслан тогда улыбнулся и ответил:

— Потому что некоторые вещи соединяют людей лучше любых дорог.

Он закрыл коробочку.

И впервые за долгое время почувствовал не тревогу.

А предвкушение.

Через несколько часов он должен был увидеть Эньже.

Не на фотографии.

Не в воспоминаниях.

Не в письмах.

А по-настоящему.

И он ещё не знал, что эта встреча станет самым счастливым воспоминанием, за которое позже будет цепляться в самые тёмные дни войны.

Часть II

Вечер медленно опускался на небольшой город.

Улицы уже почти опустели.

У госпиталя заканчивалась смена.

Уставшие медсёстры одна за другой выходили за ворота.

Кто-то смеялся.

Кто-то молчал.

Кто-то спешил домой.

Руслан стоял через дорогу.

Опираясь на трость.

Сердце билось так сильно, будто он снова шёл в атаку.

Он десятки раз представлял эту встречу.

Но теперь не знал, что сказать.

Прошла ещё минута.

Потом две.

И вдруг

Она появилась.

Белый халат.

Небольшая сумка через плечо.

Несколько выбившихся прядей волос.

Эньже.

Она шла медленно, опустив голову.

Наверное, устала после тяжёлой смены.

Руслан сделал шаг вперёд.

Остановился.

Голос почему-то не слушался.

Тогда он тихо произнёс:

— Эньже

Она продолжала идти.

Не слышала.

Или решила, что ей показалось.

Руслан улыбнулся.

И позвал чуть громче.

— Эньже

Она резко остановилась.

Очень медленно обернулась.

Несколько секунд просто смотрела.

Не моргая.

Будто боялась, что стоит закрыть глаза — и он исчезнет.

Руслан тоже молчал.

Только улыбался.

Эньже сделала один неуверенный шаг.

Потом второй.

В её глазах появились слёзы.

— Нет

— прошептала она.

— Этого не может быть

Руслан тихо рассмеялся.

— Я тоже сначала не поверил, что меня отпустили.

Она подошла совсем близко.

Протянула руку.

Коснулась его щеки.

Будто проверяла

живой ли он.

Тёплый.

Настоящий.

И только тогда крепко обняла его.

Очень осторожно.

Помня о ранении.

Руслан закрыл глаза.

За последние месяцы он столько раз представлял этот момент.

Но реальность оказалась сильнее любых воспоминаний.

Они долго стояли молча.

Вокруг проходили люди.

Кто-то улыбался.

Кто-то делал вид, что ничего не замечает.

Война научила уважать чужие встречи.

Первой заговорила Эньже.

— Почему ты ничего не написал?

Руслан виновато опустил голову.

— Хотел сделать сюрприз.

Она легонько ударила его ладонью по плечу.

— Дурак

Я чуть не умерла от страха, когда получила письмо Аббаса.

— Знаю.

Он рассказал.

— Тогда почему улыбаешься?

— Потому что сейчас ты рядом.

И я впервые могу услышать, как ты меня ругаешь.

Эньже не выдержала.

Засмеялась сквозь слёзы.

— Ты совсем не изменился.

Руслан посмотрел ей в глаза.

— Нет.

Изменился.

Просто рядом с тобой я снова становлюсь собой.

Они долго гуляли по тихим улицам.

Руслан рассказывал о фронте.

Но только то, что мог рассказать.

О многом он молчал.

Эньже тоже рассказывала о госпитале.

О раненых.

О Софии.

О пани Марии, которая всё время заставляла всех есть горячий суп.

Иногда они смеялись.

Иногда замолкали.

Но это было совсем другое молчание.

Оно не разделяло.

Оно соединяло.

Они дошли до небольшого парка.

Почти все скамейки были пусты.

Руслан осторожно сел.

Эньже рядом.

Несколько минут они просто наблюдали, как ветер кружит
опавшие листья.

Потом Руслан достал из кармана маленькую коробочку.

— Это тебе.

Эньже удивлённо посмотрела на него.

— Мне?

— Открой.

Внутри лежал маленький серебряный кулон.

Мост.

Совсем простой.

Без украшений.

Эньже долго рассматривала его.

— Почему мост?

Руслан улыбнулся.

— Потому что инженер умеет строить мосты через реки.

Но всю жизнь учится строить мосты между людьми.

Мне кажется

наш уже построен.

Эньже ничего не сказала.

Только попросила:

— Поможешь?

Руслан осторожно застегнул цепочку у неё на шее.

Кулон тихо коснулся её груди.

Она сжала его в ладони.

— Теперь он всегда будет со мной.

Руслан посмотрел на неё.

— Обещай.

Что бы ни случилось

не снимай его.

Она нахмурилась.

— Почему ты опять говоришь так, будто собираешься куда-то исчезнуть?

Руслан хотел ответить.

Но промолчал.

Эньже взяла его за руку.

— Нет.

Пообещай мне лучше ты.

Что вернёшься.

Не героем.

Не легендой.

Просто человеком.

Которого я снова встречу.

Руслан медленно кивнул.

— Обещаю.

Хотя где-то глубоко внутри понимал

на войне такие обещания никто не может дать наверняка.

Когда на город опустилась ночь, Эньже тихо сказала:

— Пойдём.

У меня завтра выходной.

И впервые за долгое время
нам никуда не нужно спешить.

Руслан посмотрел на неё.

Потом на звёздное небо.

И вдруг поймал себя на мысли, что впервые за многие месяцы совсем не слышит войну.

Лишь спокойное дыхание девушки, которая шла рядом.

И этого было достаточно, чтобы хотя бы на одну ночь снова почувствовать себя обычным двадцатилетним парнем.

Глава 20. Дорога назад

Утро наступило слишком быстро.

Руслан проснулся раньше рассвета.

Несколько секунд он лежал молча, прислушиваясь к тишине.

Рядом тихо дышала Эньже.

Он осторожно повернул голову.

Она спала, положив ладонь ему на грудь.

Руслан боялся пошевелиться.

Ему казалось, что если он сейчас встанет, то закончится не только эта ночь, но и вся та жизнь, которую они успели прожить за три коротких дня.

За окном начинало светлеть.

Где-то вдали уже слышался паровозный гудок.

Время снова напомнило о себе.

Эньже открыла глаза.

Улыбнулась.

— Ты давно не спишь?

— Не хотелось пропустить ни одной минуты.

Она ничего не ответила.

Только крепче сжала его руку.

Они почти не разговаривали за завтраком.

Все нужные слова были сказаны вчера.

Теперь оставалось только молчать.

Иногда молчание честнее любых обещаний.
На вокзале было многолюдно.
Военные эшелоны сменяли санитарные поезда.
Кто-то возвращался домой.
Кто-то уезжал на фронт.
Кто-то прощался навсегда, ещё не зная об этом.
Руслан держал в руках небольшой вещмешок.
Эньже всё время смотрела на его трость.
Ей хотелось верить, что скоро она станет не нужна.
Объявили посадку.
Руслан глубоко вдохнул.
— Пора.
Эньже кивнула.
Но с места не сдвинулась.
— Я боюсь прощаний.
— Я тоже.
— Тогда давай не будем прощаться.
Руслан удивлённо посмотрел на неё.
Она улыбнулась сквозь слёзы.
— Давай скажем
до встречи.
Он медленно кивнул.
— До встречи.
Он сделал несколько шагов к вагону.
Потом вдруг остановился.
Вернулся.

Крепко обнял её.

И тихо прошептал:

— Спасибо судьбе что встретил тебя
я люблю тебя больше жизни

Эньже закрыла глаза.

— Нет.

Это тебе спасибо.

За то, что приехал.

и я люблю тебя

Поезд медленно тронулся.

Руслан стоял у окна.

Эньже шла рядом с вагоном столько, сколько могла.

Они не кричали.

Не махали руками.

Просто смотрели друг на друга.

Пока поезд не начал набирать скорость.

Когда перрон закончился, Руслан всё ещё видел маленькую фигуру в белом платке.

Она становилась всё меньше.

Потом исчезла совсем.

Но ему казалось, что он продолжает чувствовать её взгляд.

Эньже стояла на пустом перроне ещё долго.

Поезд давно скрылся.

Люди разошлись.

Ветер гонял по рельсам сухие листья.

Она машинально коснулась кулона в виде маленького моста.

И впервые за долгое время не заплакала.

Потому что внутри жила странная уверенность.

Они ещё увидятся.

Она не знала, откуда взялась эта уверенность.

Просто верила.

Через два дня Руслан снова оказался в распоряжении части.

Аббас встретил его широкой улыбкой.

— Ну что?

Увидел?

Руслан молча улыбнулся.

Этого ответа было достаточно.

Вечером почтальон раздал письма.

Одно из них оказалось адресовано Руслану.

Но конверт был незнакомый.

Не почерк матери.

Не почерк отца.

Не почерк Аббаса.

На обратной стороне стояла лишь короткая подпись.

«Аким»

Соседка

Руслан нахмурился.

Сам не понимая почему, он вдруг почувствовал тревогу.

Он ещё не знал

что через несколько секунд его жизнь разделится на «до» и «после».

Глава 21. Дом, в который он не успел

Вечер медленно опускался на лагерь.

После трёх дней рядом с Эньже всё вокруг казалось чужим.

Те же землянки.

Те же лица.

Те же запахи сырой земли и дыма.

Но внутри что-то изменилось.

Руслан поймал себя на мысли, что впервые за долгое время ему хотелось не воевать, а просто жить.

Построить дом.

Посадить дерево.

Закончить университет.

Вернуться в Алматы.

Эти мечты были такими простыми, что казались почти несбыточными.

Он долго смотрел на конверт.

Сосед.

Аким Айтбаев.

Сердце почему-то сжималось всё сильнее.

Аббас заметил его лицо.

— От дома?

Руслан молча кивнул.

— Открывай.

Руслан провёл пальцем по краю конверта.
Бумага почему-то показалась тяжёлой.
Он осторожно развернул письмо.

Здравствуй, сын.

*Если ты сейчас читаешь это письмо, значит, я всё-таки
уговорил Акима отправить его вместо меня.*

Последнее время здоровье совсем подводит.

Врач говорит, что сердце устало.

*Наверное, оно просто слишком долго переживало за вас
с мамой.*

Не волнуйся.

Старость всегда приходит незаметно.

Просто раньше мне казалось, что она ещё очень далеко.

А оказалось — сидела рядом.

Мама всё время ругается, что я мало отдыхаю.

Наверное, впервые в жизни я её слушаю.

Смешно

Всю жизнь человек куда-то торопится.

*А потом наступает день, когда врач запрещает торо-
питься совсем.*

Знаешь

Я много думал.

И понял одну вещь.

Мы, мужчины, часто учим сыновей быть сильными.

Но почти никогда не говорим, как сильно мы их любим.

Исправлю эту ошибку сейчас.

Я очень люблю тебя, сын.

И всегда любил.

Даже когда ругал.

Даже когда заставлял переделывать работу по десять раз.

Потому что хотел, чтобы однажды ты стал лучше меня.

И знаешь

Кажется, получилось.

Я горжусь тобой.

Если однажды построишь свой первый настоящий мост

Постой на нём несколько минут.

Не спеши уходить.

Просто посмотри, как по нему идут люди.

Это и будет самая большая благодарность инженеру.

Я очень надеюсь увидеть Эньже.

Но если вдруг не получится

Передай ей, что у моего сына хороший выбор.

Потому что даже по твоим письмам видно, каким человеком она стала для тебя.

Береги маму.

Она никогда не покажет, как ей тяжело.

Но именно такие люди чаще всего плачут тогда, когда никто не видит.

А ещё

Не бойся жить счастливо.

*Иногда мне кажется, что люди начинают стыдиться
своего счастья, когда вокруг слишком много чужой боли.*

Не надо.

Если Бог подарит тебе мирную жизнь

Проживи её за нас двоих.

Ну вот

Кажется, опять устал.

Почерк сегодня совсем плохой.

Наверное, на этом закончу.

Обнимаю тебя.

Твой отец.

Руслан дочитал.

Улыбнулся.

Даже тихо усмехнулся.

— Старый упрямец

— сказал он почти шёпотом.

— Всё равно переживает

Он перевернул страницу.

И только теперь заметил ещё один сложенный лист.

Почерк был уже другим.

Сосед.

Аким.

Руслан почувствовал, как внутри всё похолодело.

Он развернул записку.

Она была короткой.

Очень короткой.

Руслан

Прости.

Твой отец не успел отправить это письмо сам.

Через два дня после того, как дописал его, его сердце оставилось во сне.

Он ушёл спокойно.

Последнее, что он попросил, — обязательно передать тебе это письмо.

До последнего дня он верил, что ты вернёшься домой.

Мы все тоже в это верим.

Аким.

Руслан дочитал.

Опустил письмо.

И ещё раз посмотрел на первую строчку.

Будто надеялся, что ошибся.

Что прочитал неправильно.

Что сейчас отец откроет дверь дома.

Улыбнётся.

И скажет:

— Ну что, инженер

Опять гвоздь криво забил?

Но дверь уже никогда не откроется.

Аббас осторожно подошёл.

— Руслан

Ответа не было.

Он просто сидел.

Не плакал.

Не двигался.

Только смотрел в одну точку.

Иногда горе приходит не со слезами.

Оно приходит с пустотой.

Прошло несколько минут.

Руслан вдруг тихо сказал:

— Знаешь

Я ведь так и не познакомил его с Эньже.

Аббас ничего не ответил.

— Он писал

«Привези её домой.»

Не успел

Голос сорвался.

Руслан закрыл лицо ладонями.

И впервые за всё время войны заплакал.

Не как солдат.

Не как мужчина.

Как сын.

— Меня не было рядом

— тихо повторял он.

— Его хоронили

А я

Я даже землю на могилу бросить не смог

Аббас сел рядом.

— Он бы не хотел, чтобы ты винил себя.

Руслан покачал головой.

— Это неважно, чего бы он хотел.

Важно

чего не успел я.

Ночь давно опустилась на лагерь.

Руслан сидел один.

Перед ним лежали три письма.

Матери.

Отца.

Эньже.

Он снова взял письмо отца.

Нашёл строки:

«Если криво начал — не бойся вытащить гвоздь и начать заново.»

Руслан долго смотрел на них.

Потом тихо прошептал:

— Папа

А если уже нельзя начать заново?

Ответа не было.

Только ветер медленно перелистывал уголок письма.

Перед сном Руслан достал чистый лист.

Несколько минут смотрел на него.

Потом написал всего одну строку.

«Мама прости, что меня не было рядом.»

Он остановился.

Чернила расплывались.

Не потому, что бумага была сырой.

Потому что на неё одна за другой падали слёзы.

Он не смог написать больше ни слова.

Аккуратно сложил пустое письмо.

И убрал обратно.

Иногда боль оказывается такой большой, что для неё ещё не существует слов.

Глава 22. Когда молчат орудия

Ночь закончилась раньше, чем успели догореть последние поленья.

Холод разбудил раньше подъёма.

Руслан открыл глаза и несколько секунд не понимал, где находится. Потом почувствовал знакомый запах сырой земли, мокрых шинелей и дыма.

Фронт.

Всё тот же фронт.

Он осторожно поднялся. Нога ещё иногда напоминала о ранении, но теперь боль стала привычной. Словно ещё один солдат, который постоянно шёл рядом.

В палатке уже не спали.

Кто-то молча натягивал сапоги.

Кто-то пытался высушить портянки над жестяной печкой.

Кто-то, укутавшись в шинель, доедал вчерашний кусок чёрного хлеба.

Аббас сидел возле выхода.

В руках он держал кружку с горячей водой.

Чаем это назвать было нельзя.

— Доброе утро, инженер.

Руслан усмехнулся.

— Если это утро доброе, то страшно представить плохое.

Аббас протянул ему кружку.

— Пей.

Сегодня день будет длинный.

— Откуда знаешь?

— Когда командиры молчат — жди самого тяжёлого.

Руслан молча сделал глоток.

Вода была тёплой.

И этого оказалось достаточно.

К полудню начался дождь.

Не сильный.

Мелкий.

Но именно такой дождь превращал землю в вязкую жижу.

Каждый шаг будто пытался оставить человека здесь навсегда.

Сегодня их отделению приказали укрепить переправу через небольшой ручей.

Никаких наступлений.

Никаких атак.

Без этой переправы машины с боеприпасами просто не смогут пройти.

Руслан сразу оживился.

Впервые за долгое время перед ним стояла задача, которую можно было решить не винтовкой.

Он присел возле берега.

Осмотрел грунт.

Потрогал сваи.

Потом сказал командиру:

— Эти брёвна надо положить поперёк.

Иначе к вечеру всё просядет.

Командир посмотрел удивлённо.

— Откуда знаешь?

— Учился строить.

Через полчаса вся работа уже шла по его предложению.

Аббас только улыбнулся.

— Вот теперь ты снова похож на того студента, которого я встретил в Алматы.

Руслан пожал плечами.

— Иногда кажется, что война специально напоминает человеку, кем он был раньше.

Недалеко работал Павел.

Тот самый парень, которого Руслан когда-то вытащил из-под огня.

Он стал заметно крепче.

Лицо осунулось.

Но глаза больше не были испуганными.

— Руслан!

— крикнул он.

— Смотри.

Я уже сам бревно поднимаю.

Руслан засмеялся.

— Только не надорвись.

Павел подмигнул.

— Теперь мне нельзя.

Вы же сказали жить.

Приходится выполнять приказ.

Аббас тихо рассмеялся.

— Видишь?

Ты уже людей воспитываешь.

Ближе к вечеру появился Иван Петрович.

Самый пожилой солдат в их роте.

Никто толком не понимал, почему его не списали.

Он почти никогда не жаловался.

Только кашлял по утрам.

И каждый час доставал старые карманные часы.

Аббас однажды не выдержал.

— Иван Петрович

Вы время проверяете каждые пять минут?

Старик улыбнулся.

— Нет.

Время я давно перестал считать.

Он открыл крышку часов.

Внутри была маленькая чёрно-белая фотография молодого парня.

— Это мой сын.

Погиб ещё в самом начале войны.

Руслан молча посмотрел на снимок.

Парень был почти его возраста.

— Красивый был

— тихо сказал он.

Старик кивнул.

— Был.

Потом закрыл часы.

— Пока они идут

Мне кажется

что он где-то рядом.

Никто ничего не ответил.

Иногда чужая боль не нуждается в словах.

Ближе к ночи небо вдруг стало странно тихим.

Даже ветер исчез.

Руслан первым почувствовал тревогу.

Слишком тихо.

Он уже успел привыкнуть.

Перед бедой всегда наступала тишина.

Через несколько секунд раздался первый свист.

— ЛОЖИСЬ!

Крик командира утонул во взрыве.

Земля взлетела вверх.

Воздух сразу стал тяжёлым от дыма и песка.

Второй снаряд разорвался совсем рядом.

Руслана отбросило в грязь.

Он ударился плечом.

Несколько секунд ничего не слышал.

Только звон.

Потом постепенно вернулись звуки.

Крики.

Стоны.

Чьи-то команды.

— Санитара!

— Носилки!

— Быстрее!

Руслан поднялся.

Нога снова заболела.

Но времени думать об этом не было.

Он бросился к перевёрнутой повозке.

Под ней оказался молодой связист.

Живой.

Они с Павлом вместе вытащили его.

Следующий взрыв прогремел совсем рядом.

Грязь залепила лицо.

Руслан вытер глаза рукавом.

— Аббас!

Ответа не было.

Сердце сжалось.

— Аббас!

— Здесь!

Голос раздался справа.

Жив.

Руслан облегчённо выдохнул.

Но тут Аббас вдруг закричал:

— Иван Петрович!

Они бросились туда.

Старик лежал возле разрушенной переправы.

Осколок пробил шинель.

Дышал он тяжело.

Очень тяжело.

Аббас опустился рядом.

— Сейчас

Сейчас врача

Старик едва заметно покачал головой.

— Не надо

Уже поздно

Он с трудом достал карманные часы.

Долго держал их в руках.

Потом протянул Аббасу.

— Забери

У моего сына

Больше никого нет

Пусть теперь

они идут

для кого-нибудь ещё

Аббас не хотел брать.

— Нет

Не говорите так

Мы вас вытащим

Старик улыбнулся.

Так спокойно.

Будто просто устал.

— Береги

друга

Он посмотрел на Руслана.

— И

достройте

что не успели

Это были последние слова.

Через несколько секунд часы продолжали тихо тикать.

А Иван Петрович уже нет.

После обстрела никто долго не разговаривал.

Только слышался треск мокрых дров.

Аббас сидел возле костра.

Часы лежали у него на ладони.

Они всё ещё шли.

Тик.

Тик.

Тик.

Руслан долго смотрел на огонь.

Потом тихо сказал:

— Знаешь

После смерти отца

мне казалось

что память живёт в письмах.

Теперь понимаю

Иногда она живёт в старых часах.

Аббас молча закрыл крышку.

Внутри снова появилась фотография молодого солдата.
— Пока кто-то помнит
никто не исчезает окончательно.

Ночь стала удивительно тихой.

Будто война тоже устала.

Руслан достал из вещмешка бумагу.

Расправил её на колене.

Долго смотрел на пустой лист.

Потом начал писать.

Любимая Эньже.

Севодня здесь тихо. Такая тишина бывает редко. Даже странно писать эти строки, кагда за палаткой никто не стреляет.

Наверно, именна поэтому я снова думаю а тебе.

Каждый раз, кагда становится спакойно, мои мысли почему-то идут к одному месту — туда, где ты.

Севгодня утром шёл мелкий дождь. Земля стала такой липкой, что сапаги будто не хотели отпускать ноги. Аббас смеялся, что даже грязь не хочет отпускать инженера дао-мой.

Он всё ещё много шутит. Иногда специально. Наверное, понимает, что человеку легче пережить день, если он хотя бы аодин раз улыбнулся.

Павел передаёт тебе привет. Помнишь, я рассказывал о нём? Теперь он уже сам помогает другим. Смотрю на него и думаю, как быстро война заставляет людей взрoслеть.

Сегодня я долго вспоминал отца.

До сих пор трудно поверить, что его больше нет.

Иногда хочется написать ему письмо. Паотом вспоминаю, что ответа уже не будет.

Но знаешь

Мне кажется, если человек жил честно, его слова всё равно продолжают жить в нас.

Я часто лавлю себя на том, что думаю его мыслями.

Наверное, это и есть взросление.

Не потому, что стал старше.

А потому, что начинаешь понимать родителей слишком поздно.

Береги себя.

И не забывай отдыхать.

Я знаю, ты снова улыбнулась и сказала бы, что тебе некогда.

Но поабецдай хотя бы иногда смотреть на небо.

Если однажды вечером мы оба посмотрим на одни и те же звёзды, значит, между нами уже не так далеко, как кажется.

Я очень скучаю.

И всё ещё верю, что однажды буду писать тебе письма уже не с фронта.

А из нашего дома.

Твой Любящий Будущий муж.

Руслан перечитал письмо.

Аккуратно сложил его.

Провёл пальцем по конверту.

И впервые за долгое время ему показалось, что хотя бы на одном листе бумаги война сегодня не смогла оставить ни грязи, ни крови. Только почерк человека, который очень хотел вернуться домой.

Глава 23. Белый халат

Часть I. (начало главы)

Утро в госпитале начиналось не с солнца.

Оно начиналось с шагов.

Ещё не успев открыть глаза, Эньже уже различала их.

Быстрые — значит, привезли новых раненых.

Тяжёлые — санитары несут носилки.

Спокойные — София.

Она всегда ходила одинаково.

Будто даже война не смогла изменить её походку.

— Эньже

Просыпайся.

Ночь закончилась.

Эньже открыла глаза.

За окном было ещё темно.

Она быстро надела халат.

Холодная вода обожгла лицо.

Зеркало показало девушку, которая за последние месяцы стала старше.

Не внешне.

В глазах.

Во дворе уже стояли две санитарные машины.

Из первой вынесли совсем молодого солдата.

Наверное, восемнадцать.

Не больше.

Он крепко сжимал в руках фотографию.

Даже без сознания.

Эньже осторожно разжала его пальцы.

На фотографии были женщина и маленькая девочка.

На обратной стороне карандашом было написано:

Ждите.

Всего одно слово.

Она аккуратно положила фотографию обратно ему в ладонь.

До обеда времени не существовало.

Перевязки.

Уколы.

Кровь.

Крики.

Молчание.

Она уже перестала считать раненых.

Запоминала только лица.

— Воды

Тихо попросил один из солдат.

Эньже помогла ему приподняться.

Он жадно сделал несколько глотков.

Потом неожиданно спросил:

— Сестра

Можно вопрос?

— Конечно.

— Если человек вернётся без ноги

Его девушка

сможет его любить?

Эньже не ответила сразу.

Она поправила одеяло.

Подумала.

И только потом сказала:

— Если любит

то будет рада уже тому, что он вернулся.

Солдат долго молчал.

Потом улыбнулся.

— Тогда

наверное

она дождётся.

Когда она вышла из палаты, её уже ждала София.

— Ты опять не завтракала.

Эньже устало улыбнулась.

— Потом.

— Ты всегда говоришь потом.

София достала из кармана маленькое яблоко.

— Держи.

Эньже рассмеялась.

— Где ты его нашла?

— Это профессиональная тайна.

— Украла?

— Нет.

Поменяла на две пачки бинтов.

Обе засмеялись.

Совсем тихо.

Чтобы не разбудить спящих.

Они сели прямо на ступеньках госпиталя.

Первый раз за весь день.

Молчали.

Жевали яблоко по очереди.

Будто снова стали обычными студентками.

София вдруг спросила:

— Он писал?

Эньже кивнула.

— Вчера получила письмо.

— И?

Эньже улыбнулась.

Так улыбаются люди, которые вспоминают что-то очень дорогое.

— Он всё такой же.

Пишет уже почти без ошибок.

Но иногда специально оставляет одну.

София удивилась.

— Специально?

— Мне кажется

Он боится однажды написать совсем правильно.

Будто тогда исчезнет тот Руслан, которого я встретила.
София задумалась.

— А если однажды он станет великим инженером?
Эньже улыбнулась ещё сильнее.

— Тогда я всё равно буду хранить его первые письма.
Потому что любовь начинается не с красивых слов.
А с настоящих.

После короткого отдыха их снова позвали в палату.
На этот раз привезли пожилого капитана.

Во время перевязки он крепко сжал руку Эньже.

— Дочка
Спасибо.

Она только покачала головой.

— Не меня благодарите.

Лучше выздоравливайте.

Он вдруг спросил:

— У тебя есть кто-нибудь?

Она удивилась.

— Почему спрашиваете?

— Потому что ты смотришь в окно так, как смотрят только те, кто кого-то ждёт.

Эньже опустила глаза.

И впервые за весь день ответила не сразу.

— Да.

Жду.

Капитан улыбнулся.

— Тогда дождись.

Это приказ.

Вечером госпиталь наконец затих.

София уже уснула.

Пани Мария что-то записывала в журнал.

Эньже открыла маленький деревянный шкафчик.

Достала аккуратно перевязанную лентой стопку писем.

Все письма Руслана.

Она никогда не складывала их вместе с другими бумагами.

Только отдельно.

Как что-то очень хрупкое.

Она долго смотрела на последний конверт.

Потом осторожно провела пальцем по его почерку.

И тихо прошептала:

— Ещё один день прошёл

Глава 23. Белый халат

Часть II

Эньже долго сидела возле маленького шкафчика.

За окном уже стемнело.

В госпитале наступало то редкое время суток, когда никто никуда не бежал. Только из дальней палаты доносился чей-то кашель, да часы в коридоре негромко отсчитывали минуты.

Она сняла со стопки писем тонкую голубую ленту.

Сверху лежало самое первое.

Она сразу узнала этот конверт.

Неровные буквы.

Слишком сильный нажим ручки.

Адрес был написан так, будто человек боялся ошибиться в каждом слове.

Эньже осторожно улыбнулась.

— Ну здравствуй

Она развернула письмо.

Не знаю кагда это письмо попадет к тебе

Она тихо рассмеялась.

Совсем чуть-чуть.

Так смеются не над ошибками.

А над воспоминаниями.

Пальцы невольно коснулись слова «**кагда**».

Когда-то ей очень хотелось взять карандаш и исправить его.

Теперь

Она даже представить не могла, что эти ошибки исчезнут.

Потому что они были частью Руслана.

Она достала карандаш.

Поднесла к письму.

Замерла.

И снова убрала обратно.

— Нет

Пусть останется.

Так правильнее.

Она взяла второе письмо.

Потом третье.

Четвёртое.

Почерк менялся почти незаметно.

Буквы становились ровнее.

Предложения длиннее.

Ошибок всё меньше.

Руслан вырослел прямо на бумаге.

Будто каждая строчка учила его чему-то новому.

И только одно не менялось.

В конце каждого письма всегда были слова:

«Береги себя.»

Эньже однажды поймала себя на мысли, что именно эти

два слова она ищет глазами прежде всего.

Если они были

Значит, с ним всё хорошо.

— Опять читаешь?

Голос Софии заставил её поднять голову.

— Немного.

София подошла ближе.

— Можно?

Эньже молча протянула письмо.

София прочитала несколько строк.

Улыбнулась.

— Уже почти без ошибок.

— Да

— Жалко.

Эньже удивлённо посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что первые были какие-то живые.

Эньже неожиданно засмеялась.

— Я сегодня подумала точно так же.

Обе несколько секунд молчали.

Потом София спросила:

— Ты ведь хранишь все?

— Все.

— Даже конверты?

— Даже конверты.

— Зачем?

Эньже задумалась.

Ответ пришёл не сразу.

— Потому что их держали его руки.

София ничего не сказала.

Она просто осторожно положила письмо обратно.

Иногда любовь невозможно объяснить человеку, который её не чувствовал.

В коридоре послышались быстрые шаги.

— Сестра!

Эньже сразу поднялась.

Молодой санитар тяжело дышал.

— Там

дедушка

в третьей палате

кажется

не дождётся утра

Эньже быстро вошла в палату.

На кровати лежал худой старик.

Он был не солдатом.

Обычный мирный житель.

Его эвакуировали несколько дней назад.

Возраст и болезнь сделали своё дело.

Он медленно открыл глаза.

— Дочка

Она подошла ближе.

— Я здесь.

— Ты

умеешь писать?

Эньже удивилась.

— Да.

Старик дрожащей рукой протянул ей маленький листок.

— Руки

уже не слушаются

Поможешь?

Она села рядом.

Развернула чистый лист.

— Кому писать?

— Внучке

Он долго собирался с силами.

Потом начал диктовать.

— «Здравствуй

моя маленькая Аня»

Голос постоянно прерывался.

Эньже терпеливо ждала.

Записывала каждое слово.

Ни разу не поторопила.

Письмо получилось совсем коротким.

Всего несколько строк.

Но в каждой чувствовалась целая жизнь.

Когда она закончила, старик попросил:

— Прочитай.

Она медленно прочитала письмо вслух.

Он улыбнулся.

Закрыв глаза.

И тихо сказал:

— Спасибо

Теперь

она узнает

что дедушка

думал о ней

до конца

Через несколько минут он уснул.

Навсегда.

Энже ещё долго сидела возле пустой кровати.

Она смотрела на письмо.

Аккуратно сложенное.

Запечатанное.

Без единой ошибки.

И вдруг поняла одну простую вещь.

Письма нужны не только тем, кто их получает.

Иногда они нужны тем, кто боится не успеть сказать самое
главное.

Эта мысль долго не отпускала её.

Она вспомнила Руслана.

Вспомнила его первое неловкое письмо.

И неожиданно испугалась.

Впервые за долгое время.

Испугалась не войны.

Испугалась того, что однажды перестанут приходить конверты с его почерком.

Она сразу прогнала эту мысль.

Подошла к окну.

За стеклом медленно падал первый снег.

Белые хлопья ложились на землю так тихо, будто хотели хоть ненадолго спрятать следы войны.

Эньже приложила ладонь к холодному стеклу.

И едва слышно сказала:

— Только пиши

Пожалуйста

Пиши

Глава 23. Белый халат

Часть III

Ночь окончательно накрыла госпиталь.
Дежурство закончилось далеко за полночь.
Коридоры наконец опустели.
Только керосиновая лампа тихо потрескивала возле стола.
София уже спала.
Пани Мария ушла проверить ночные палаты.
Эньже осталась одна.
Она медленно открыла верхний ящик стола.
Достала чистый лист бумаги.
Несколько секунд просто смотрела на него.
Потом улыбнулась.
— Теперь моя очередь
Она окунула перо в чернила.
И начала писать.

Любимый Руслан.

*Сегодня я долго не могла начать письмо.
Не потому, что нечего рассказать.
Наоборот.*

*Мне кажется, за один день происходит столько всего,
что словами это уже не удержать.*

У нас выпал первый снег.

Совсем немного.

К утру он, наверное, растает.

Но несколько часов двор госпиталя был белым.

Я смотрела в окно и вдруг вспомнила тот день, когда мы гуляли возле университета. Помнишь, ты тогда сказал, что инженер всегда радуется мостам больше, чем красивым зданиям?

Тогда я не поняла почему.

Теперь понимаю.

Мост соединяет.

Наверное, поэтому мне так нравится твоя будущая профессия.

Сегодня привезли совсем молодого солдата.

Он всё время держал фотографию своей семьи.

Даже без сознания.

Я осторожно положила её обратно ему в руку и подумала, что иногда одна маленькая фотография может быть сильнее любого лекарства.

Ты часто спрашиваешь, как проходит мой день.

Если честно

Очень быстро.

Иногда кажется, что только наступило утро, а за окном уже ночь.

Наверное, потому что всё время кто-то нуждается в помощи.

Но не переживай.

Я не забываю отдыхать.

Да

*Я знаю, сейчас ты улыбаешься и думаешь, что я опять
немного обманываю.*

Совсем чуть-чуть.

Сегодня София достала где-то яблоко.

Мы разделили его пополам.

Не поверишь

*Мне показалось, что это было самое вкусное яблоко в
жизни.*

*Наверное, потому что хорошие вещи начинают ценить
тогда, когда их становится мало.*

Я всё чаще перечитываю твои письма.

Знаешь, что я сегодня заметила?

Ты стал писать почти без ошибок.

И вдруг мне стало немного грустно.

Я даже хотела исправить одно старое письмо.

Взяла карандаш

А потом поняла, что не имею права.

Потому что это уже часть тебя.

*Если однажды мы будем старыми и седыми, я обяза-
тельно покажу тебе твоё первое письмо.*

*И мы вместе посмеёмся над словами «даехали» и «нар-
мальная».*

Но исправлять их всё равно не будем.

Пусть останутся такими.

*Иногда мне кажется, что любовь живёт именно в таких
маленьких несовершенствах.*

Сегодня я много думала о твоём отце.

*Мне очень жаль, что меня не было рядом, когда ты узнал
эту новость.*

Я не знала его лично.

Но, читая твои письма, будто познакомилась с ним.

*Спасибо ему за то, что он воспитал человека, которого
я люблю.*

Пожалуйста

Не вини себя.

Я знаю, ты всё равно будешь.

Но постарайся помнить не тот день, когда его не стало.

А все те годы, когда он был рядом.

Мне кажется, именно этого хотел бы каждый отец.

Руслан

Обещай мне одну вещь.

Если станет очень тяжело

Не молчи.

Пиши мне.

Даже если письмо получится совсем коротким.

Даже если в нём будет всего одна строчка.

Мне не нужны красивые слова.

Мне нужно знать, что ты жив.

Я очень скучаю.

Иногда мне кажется, что ты просто задержался после занятий, и вот-вот снова появишься под университетскими часами.

Потом вспоминаю, сколько дорог сейчас лежит между нами.

И всё равно продолжаю ждать.

Потому что ждать человека, которого любишь, — это совсем не тяжесть.

Это надежда.

Береги себя.

И, пожалуйста

Возвращайся.

Потому что я очень хочу однажды услышать, как ты снова согласишься со мной о мостах, часах и о том, почему инженер никогда не проходит мимо плохо построенной лестницы.

Я очень тебя люблю.

Всегда твоя Эньже.

Эньже перечитала письмо.

Аккуратно сложила его.

Положила в конверт.

Провела пальцем по имени.

«Руслан Айтбаев».

Потом долго смотрела на конверт.

Словно пыталась запомнить этот момент.

За окном всё ещё медленно падал снег.

Она подошла к окну.

Приложила ладонь к стеклу.

Где-то очень далеко, за сотни километров, сейчас, наверное, тоже была ночь.

И ей вдруг захотелось верить, что в эту самую минуту Руслан тоже смотрит на небо.

Не на ту же улицу.

Не на те же деревья.

Но на те же звёзды.

Она тихо улыбнулась.

Погасила лампу.

И впервые за долгое время уснула с ощущением, что завтра обязательно будет письмо в обратную сторону.

А за окном снег продолжал медленно укрывать землю, будто хотя бы на одну ночь хотел скрыть от людей все следы войны.

Глава 24. Обещание весны

Часть I

Утро началось необычно.

Впервые за несколько недель в госпиталь не привезли новых раненых.

Не было криков.

Не было торопливых шагов санитаров.

Даже коридоры казались непривычно пустыми.

Эньже проснулась раньше остальных.

Несколько секунд она просто лежала, прислушиваясь.

Тишина.

Настоящая.

Такая тишина, которую война почти разучилась дарить людям.

Она тихо поднялась с кровати, чтобы никого не разбудить.

Проходя по старому коридору, она заметила приоткрытую дверь комнаты отдыха.

В углу, покрытое лёгким слоем пыли, стояло старое пианино.

Несколько клавиш были пожелтевшими.

На крышке лежал толстый слой времени.

Эньже остановилась.

Она осторожно провела ладонью по дереву.

Пыль осталась на пальцах.

На мгновение ей показалось, будто она снова дома.

Будто нет госпиталя.

Нет войны.

Нет бесконечных перевязок.

Есть только музыкальная школа, запах лака и строгая преподавательница, которая всё время повторяла:

— Ещё раз. Не торопись. Музыка не любит спешки.

Эньже медленно открыла крышку.

Пальцы нерешительно легли на клавиши.

Она не играла уже несколько лет.

Сначала прозвучала одна нота.

Потом ещё одна.

И ещё.

Пальцы словно сами вспомнили то, чему их учили в детстве.

По пустому коридору тихо поплыла мелодия.

Очень спокойная.

Очень светлая.

Она играла так тихо, будто боялась спугнуть наступившую тишину.

Музыка разносилась по госпиталю осторожнее любого шёпота.

На несколько минут даже казалось, что война осталась где-то очень далеко.

Эньже не заметила, как в дверях появилась София.

Она молча стояла, прислонившись к косяку.

И просто слушала.

Когда последние звуки растворились в тишине, София негромко спросила:

— Это ты играла?

Эньже вздрогнула.

Обернулась.

И немного смутилась.

— Прости Я тебя не заметила.

София подошла ближе.

— Я и не знала, что ты умеешь играть.

Эньже улыбнулась.

Такой улыбкой, которую София ещё никогда не видела.

Спокойной.

Совсем юной.

— Когда-то умела.

Сейчас, наверное, уже плохо получается.

София покачала головой.

— Неправда.

Пока ты играла

Мне впервые за долгое время показалось, что война закончилась.

Эньже опустила взгляд на клавиши.

Пальцы всё ещё лежали на них.

— Давно не играла

А сегодня вдруг очень захотелось.

Сама не знаю почему.

София несколько секунд молчала.

Потом тихо сказала:

— Наверное

Потому что человеку иногда нужно вспомнить, кем он
был до войны.

Эньже медленно закрыла крышку пианино.

— Да

Наверное

Они ещё немного постояли молча.

А потом обе вернулись к своей работе.

И только старое пианино осталось ждать того дня, когда
кто-нибудь снова коснётся его клавиш.

Глава 24. Обещание весны

Часть II

После необычно тихого утра госпиталь словно вспомнил, где находится.

К полудню во двор одна за другой въехали три санитарные машины.

Снова запах крови.

Снова носилки.

Снова крики.

Тишина закончилась так же внезапно, как и появилась.

Эньже быстро завязала волосы.

Поправила белый халат.

И вновь стала той самой медсестрой, которую знали все раненые.

Спокойной.

Собранной.

Надёжной.

— Осторожнее!

Он теряет сознание!

— Быстрее сюда!

— Зажим!

— Ещё бинты!

За несколько минут коридоры наполнились людьми.

Кто-то стонал.

Кто-то молчал.

А кто-то всё ещё не понимал, что уже находится далеко от линии фронта.

Эньже работала почти без остановки.

Она уже перестала бояться крови.

Перестала вздрагивать от криков.

Но так и не смогла привыкнуть к одному.

К глазам.

Иногда человек ещё ничего не говорил.

Но по одному взгляду она понимала
он знает.

Знает, что домой уже никогда не вернётся.

На одной из кроватей лежал совсем молодой солдат.

Не старше девятнадцати.

Когда Эньже меняла повязку, он тихо спросил:

— Сестра

Можно вас попросить?

— Конечно.

Он протянул ей небольшой холщовый мешочек.

Внутри лежали несколько желудей.

Эньже удивлённо посмотрела на него.

— Это

зачем?

Парень слабо улыбнулся.

— Мы с младшим братом
каждую осень собирали их возле дома.

Он говорил
что потом вырастит дуб.

А я смеялся.

Думал
кому нужны деревья
во время войны

Он замолчал.

Потом добавил почти шёпотом:

— Если
если меня не станет
Выбросьте их где-нибудь.

Может
хоть один вырастет
Эньже крепче сжала мешочек.

— Нет.

Не выброшу.

Сама посажу.

Но лучше ты сделаешь это сам.

Солдат обрадовался.

Не потому, что поверил.

А потому, что ему очень хотелось поверить.

Позже, когда раненые немного успокоились, София подошла к Эньже.

— Ты опять обещаешь невозможное.

Эньже устало посмотрела на неё.

— Иногда человеку нужен не врач.

Ему нужна причина пережить сегодняшний день.

София долго молчала.

Потом тихо сказала:

— Знаешь

Ты становишься очень похожей на пани Марию.

Эньже удивилась.

— Это хорошо?

— Очень.

Во время короткого обеда девушки сидели прямо на деревянных ящиках во дворе.

У каждой была кружка горячего супа.

И по маленькому кусочку хлеба.

София неожиданно спросила.

— Помнишь университет?

Эньже посмотрела на неё.

— Конечно.

— Самое страшное тогда было опоздать на лекцию.

— Или получить плохую оценку.

Обе переглянулись.

И одновременно покачали головами.

Как быстро меняются человеческие страхи.

После обеда в госпиталь зашла пожилая женщина.

В руках она держала небольшую корзинку.

— Простите

Я принесла молоко.

Для раненых.

Пани Мария поблагодарила её.

Женщина уже собиралась уходить.

Но вдруг остановилась возле Эньже.

Долго смотрела ей в лицо.

Потом неожиданно поправила выбившуюся прядь волос.

Совсем как мать.

— Ты совсем ещё ребёнок

А уже столько горя увидела

Эньже не знала, что ответить.

Женщина достала из кармана маленький деревянный кре-

стик.

Протянула ей.

— Возьми.

Эньже осторожно покачала головой.

— Спасибо

Но пусть лучше останется у вас.

Наверное, вам он сейчас нужнее.

Женщина улыбнулась.

— Нет.

Мне он помог прожить семьдесят лет.

Теперь пусть помогает тебе.

Эньже медленно сжала крестик в ладони.

И впервые за долгое время ей очень захотелось увидеть свою маму.

Вечером госпиталь снова затих.

Она вышла во двор.

Воздух был холодным.

Первый снег почти растаял.

Лишь кое-где белели небольшие островки.

Эньже села на ту самую скамейку.

Из кармана халата она достала маленький холщовый мешочек.

Тот самый.

С желудями.

Она долго держала его в руках.

Потом тихо сказала:

— Вырастут.

Обязательно вырастут.

Даже если нас рядом уже не будет.

В этот момент она сама не заметила, как положила свободную ладонь себе на живот.

Всего на секунду.

Будто пытаюсь согреться.

Потом сразу убрала её.

Не придав этому никакого значения.

Из открытого окна госпиталя донёсся голос Софии.

— Эньже!

Почта пришла!

Эньже быстро поднялась.

Сердце почему-то забилося чаще.

Она ещё не знала
есть ли среди писем одно, написанное знакомым почерком.

Но уже почти бежала обратно.

Потому что иногда несколько листов бумаги значили для человека больше, чем целый мир.

Глава 24. Обещание весны

Часть III

— **Почта пришла!**

Голос Софии эхом разнёсся по коридору.

Эньже почти сразу вышла из двора.

Она старалась идти спокойно.

Но сама чувствовала, что шаг становится быстрее.

Возле поста уже стоял пожилой почтальон.

Он привозил письма почти каждую неделю.

Высокий.

Седой.

Всегда в одном и том же потёртом пальто.

За эти месяцы его лицо стало знакомым почти каждому

в госпитале.

Он снял сумку с плеча.

— Так

Посмотрим

Он начал разбирать конверты.

— Пан Новак

Пани Ковальска

Доктор Ян

София получила одно письмо.

Пани Мария — сразу два.

Эньже молча ждала.

Почтальон заглянул в сумку ещё раз.

Покачал головой.

— Кажется

Сегодня для вас ничего нет.

Эньже удивилась

Совсем немного.

Так улыбаются люди, которые не хотят показывать разочарование.

— Ничего

В следующий раз.

Она уже собиралась уйти.

Но вдруг услышала за спиной:

— Подождите

Он снова засунул руку в самый дальний карман сумки.

Достал немного помятый конверт.

— Старый стал.

Совсем забыл.

Вот.

Кажется, это ваше.

Эньже сразу узнала почерк.

Неровные, но уже уверенные буквы.

Слово «**Эньже**» было написано чуть крупнее остальных.

Она осторожно взяла конверт.

Будто боялась помять его ещё сильнее.

— Спасибо

Почтальон только кивнул.

— Благодарите не меня.

А того, кто его написал.

Она не стала открывать письмо сразу.

Почему-то хотелось остаться одной.

Эньже поднялась на чердак госпиталя.

Туда почти никто не заходил.

Через маленькое круглое окно были видны крыши города.

И далёкая колокольня.

Она села прямо на старый деревянный сундук.

Несколько секунд просто держала конверт в руках.

Потом медленно провела пальцем по своему имени.

Как будто здоровалась с Русланом.

Только после этого аккуратно вскрыла письмо.

Внутри лежали два сложенных листа.

И маленький засушенный кленовый лист.

Он почти потерял цвет.

Но сохранил форму.

Эньже невольно улыбнулась.

— Всё-таки положил

Она вспомнила тот осенний вечер возле университета.

Руслан тогда поднимал красивый лист с дорожки.

Покрутил его в руках.

И сказал:

— Смотри.

Даже когда дерево отпускает лист
оно не перестаёт быть деревом.

Тогда она только рассмеялась.

Теперь же этот лист лежал перед ней как маленькая ча-
стица прошлого.

Она начала читать.

Любимая Эньже.

Сегодня весь день думал о тебе.

Сам не знаю почему именно сегодня особенно сильно.

*Наверное, бывают такие дни, когда сердце вспоминает
раньше головы.*

У нас уже холодно.

Па утрам вада в ведре покрывается тонкой коркой льда.

*Аббас смеётся и говорит, что скоро будем чай топором
рубить.*

*Я ответил ему, что инженер сначала построит печку, а
потом уже будет смеяться.*

Он сказал, что инженеры скучные люди.

Мы дао сих пор спорим.

Значит, всё не так плохо.

Сегодня я увидел дерево.

Савсем одно.

Оно стаяло посреди разрушенного поля.

Без листьев.

Без птиц.

Я долго смотрел на него.

И почему-то подумал о тебе.

Не спрашивай почему.

Сам не смогу обеснить

Наверное, потому что оно тоже продолжало жить, хотя вокруг почти ничего не осталось.

Иногда мне страшно.

Не за себя.

За то, что война может украсть у людей привычку радоваться простым вещам.

Я не хочу, чтобы мы стали такими.

Поэтому обещаю тебе одну вещь.

Когда всё закончится

Мы обязательно проживём хотя бы один совершенно обычный день.

Без сирен.

Без писем.

Без ожидания.

Проснёмся поздно.

Я приготовлю завтрак.

Хотя, скорее всего, всё сажугу.

Ты будешь смеяться.

Потом мы выйдем гулять.

Я снова покажу тебе какой-нибудь мост.

А ты опять скажешь, что он красивый только потому, что я инженер.

И знаешь

Мне этого будет достаточно.

Потому что счастье, наверное, выглядит именно так.

Саовсем обычно.

Береги себя.

Я очень скучаю.

Я очень сильно люблю тебя

И всё ещё считаю дни до нашей встречи.

Твой Руслан.

Эньже дочитала письмо.

Прижала его к груди.

Закрыла глаза.

На её лице появилась тихая улыбка.

Она вдруг поймала себя на мысли, что во всём письме почти не было войны.

Руслан словно специально оставил её за пределами бумаги.

Он подарил ей несколько страниц, на которых можно было просто жить.

Она осторожно сложила письмо.

Вложила обратно кленовый лист.

И впервые за долгое время ей показалось, что расстояние между ними стало немного меньше.

За маленьким круглым окном медленно заходило солнце.

Его тёплый свет на несколько минут окрасил старые стены госпиталя в золотистый цвет.

Эньже смотрела на этот свет и думала о простом обеща-

нии, которое Руслан написал почти между строк.

Когда-нибудь они проживут самый обычный день.

И сейчас ей казалось, что ради этого действительно стоит ждать.

Глава 25. Последнее наступление

Часть I

Ночь была необычайно холодной.

Мороз сковал землю так крепко, что сапоги больше не вязли в грязи. После бесконечной осени это казалось почти чудом.

Но никто не радовался.

Хорошая дорога одинаково помогала обеим армиям.

Руслан проснулся ещё до сигнала подъёма.

Снаружи кто-то колот дрова.

Топор глухо ударял по полену.

Раз.

Ещё раз.

Эти звуки почему-то напоминали мирную жизнь.

Он натянул шинель и вышел наружу.

Небо было чистым.

Миллионы звёзд висели над лагерем так спокойно, словно никогда не видели войны.

Аббас уже сидел у костра.

На ладони лежали старые карманные часы Ивана Петровича.

Он каждое утро заводил их.

Теперь это стало привычкой.

— Идут?

— спросил Руслан.

Аббас кивнул.

— Идут.

Пока идут — значит, и мы должны.

Руслан сел рядом.

Несколько минут они молчали.

Иногда лучшие друзья не разговаривают именно потому, что понимают друг друга без слов.

После завтрака командир построил роту.

Он долго смотрел на солдат.

Словно пытался запомнить каждое лицо.

Потом сказал спокойно:

— Сегодня ночью выдвигаемся.

Наступление.

Несколько секунд стояла полная тишина.

Каждый понимал, что это значит.

Никто не спрашивал, когда вернуться.

На войне таких вопросов не задают.

До вечера оставалось ещё несколько часов.

Именно эти часы всегда казались самыми тяжёлыми.

Когда уже знаешь, что впереди бой.

Но сделать ничего не можешь.

Кто-то чистил винтовку.

Кто-то писал письмо.

Кто-то просто сидел и смотрел на огонь.

Кто-то взял гитару и играл медленно тихую грустную песню

И еще несколько парней сидели у печки и грелись но никто не говорил все просто сидели и думали о завтрашнем дне и в тот момент Руслан достал из вещмешка небольшой блокнот.

На последней странице всё ещё оставался рисунок моста, который он когда-то сделал ещё в университете.

Линии немного стерлись.

Бумага пожелтела.

Он провёл пальцем по карандашному эскизу.

Аббас заглянул через плечо.

— Всё ещё носишь?

Руслан улыбнулся.

— Если забуду, зачем хотел жить

Тогда точно проиграю.

Аббас кивнул.

— После войны построишь настоящий.

Руслан посмотрел куда-то вдаль.

— Нет.

Мы построим.

Ты же обещал стать моим главным прорабом.

Аббас посмотрел на Руслана.

— Значит, опять будешь командовать.

— Конечно.

Кто-то же должен.

Неподалёку Павел пытался починить ремень.

Снял портупею и никак не получалось.

Руслан подошёл.

— Дай сюда.

Несколько минут.

Пара узлов.

И ремень снова держался.

Павел обрадовался.

— Спасибо.

Потом неожиданно спросил:

— Руслан

Можно вопрос?

— Давай.

— После войны

Каким ты хочешь стать?

Руслан задумался.

Вопрос оказался сложнее, чем казалось.

— Знаешь

Раньше я думал

хочу стать хорошим инженером.

Сейчас

Наверное

Хочу стать хорошим мужем.

И хорошим отцом.

И хорошим сыном своего народа

Павел посмотрев на него как на старшего брата сказал.
— Значит, обязательно станешь.

Руслан ещё не знал

Что эти слова окажутся пророческими.

Вечером солдаты начали собираться.

Никто больше не шутил.

Даже Аббас стал непривычно серьёзным.

Перед самым выходом он достал часы.

Посмотрел на них.

Закрыл крышку.

И тихо сказал:

— Иван Петрович

Не подведите нас.

Руслан слышал эти слова.

Ничего не сказал.

Только поправил ремень винтовки.

Колонна медленно двинулась вперёд.

Никто не оглядывался.

Потому что каждый понимал:

Иногда самое страшное — это не идти навстречу бою.

Самое страшное — обернуться и увидеть место, куда, возможно, уже никогда не вернёшься.

Глава 25. Последнее наступление

Часть II

Колонна двигалась молча.

Снег тихо скрипел под сапогами.

Луна почти скрылась за облаками, и дорогу освещали только редкие фонари, завешенные плотной тканью.

Никто не курил.

Никто не разговаривал.

Даже дыхание старались сдерживать.

Руслан шёл рядом с Аббасом.

Иногда они случайно касались плечами.

И этого было достаточно, чтобы понять: друг рядом.

До передовой оставалось совсем немного.

Командир поднял руку.

Колонна остановилась.

— Дальше ползком.

Все одновременно опустились на землю.

Снег мгновенно промочил шинели.

Руслан почувствовал холод под грудью.

Он медленно пополз вперёд.

Каждый метр казался длиннее предыдущего.

Вдруг

В небо взлетела осветительная ракета.
Белый свет мгновенно залил всё вокруг.
— Ложись!

Раздалась первая очередь.
Пули прошли воздух совсем рядом.
Через секунду загрохотала артиллерия.
Земля содрогнулась.

Руслан инстинктивно закрыл голову руками.
Комья мерзлой земли посыпались на спину.
Воздух наполнился гарью.
Криками.

Свистом.
Мир исчез.
Остался только бой.

— Вперёд!
Руслан вскочил.
Побежал.
Он уже не различал лиц.

Только силуэты.
Вспышки.
Дым.

Кто-то упал рядом.
Кто-то поднялся.
Кто-то больше уже не двигался.

Война стирала имена быстрее, чем память успевала их со-
хранить.

Слева раздался знакомый голос.

— Руслан!

Это был Павел.

Он лежал за разбитой телегой.

— Не могу выбраться!

Руслан, не раздумывая, бросился к нему.

Над головой снова засвистели пули.

Дерево разлетелось в щепки.

— Руку!

Павел протянул ладонь.

Руслан резко дёрнул его к себе.

В этот же момент рядом разорвался снаряд.

Ударная волна отбросила обоих в снег.

Несколько секунд Руслан ничего не слышал.

Только глухой звон.

Он открыл глаза.

Павел лежал рядом.

Живой.

На лбу тонкой струйкой стекала кровь.

— Жив?

Павел кивнул.

— Благодаря тебе

Руслан только хлопнул его по плечу.

— Потом поблаговаришь.

Сейчас беги.

Бой продолжался уже несколько часов.

Казалось, время перестало существовать.

То, что раньше было лесом, теперь стало чёрным полем с обломанными стволами.

Руслан тяжело дышал.

Руки дрожали.

Он даже не заметил, когда закончились патроны в магазине.

Аббас сразу оказался рядом.

Молча протянул свой запасной.

Ни одного лишнего слова.

Они понимали друг друга без объяснений.

Во время короткой передышки Руслан прислонился к разрушенной стене.

Сердце колотилось так сильно, будто хотело вырваться наружу.

Он закрыл глаза.

И вдруг

Совершенно неожиданно

Вспомнил звук пианино.

Не взрывы.

Не крики.

А тихую мелодию, которую однажды играла Эньже в общепите во время студенческого вечера.

Он даже не помнил названия.

Помнил только её руки.

Тонкие пальцы.

И улыбку.

— Руслан!

Голос Аббаса мгновенно вернул его в реальность.

— Поднимаемся!

Он открыл глаза.

Перед ним снова была война.

Руслан глубоко вдохнул.

И подумал:

Странно На войне память всегда выбирает самое мирное.

Эта мысль появилась сама.

Без красивых слов.

Без попытки быть умной.

Она просто пришла.

И осталась с ним.

Ближе к рассвету бой начал стихать.

Выстрелы становились всё реже.

Из-за дыма медленно поднималось солнце.

Оно было красным.

Не от заката.

От дыма.

Солдаты молча собирали раненых.

Кто-то искал своих.

Кто-то уже перестал искать.

Руслан устало опустился на ящик из-под боеприпасов.

Аббас сел рядом.

Долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Знаешь

Когда всё закончится

Я никогда больше не буду жаловаться на обычную жизнь.

Руслан слабо улыбнулся.

— Потому что обычная жизнь
оказалась самой дорогой роскошью.

Аббас посмотрел на него.

— Напишешь сегодня Эньже?

Руслан кивнул.

— Обязательно.

Если есть возможность написать письмо
значит, сегодня я ещё жив.

Они оба замолчали.

Никто из них не знал, что впереди их ждёт ещё один бой.

Именно он станет последним для одного из них.

Но пока

У них было несколько часов тишины.

И этого было достаточно, чтобы снова почувствовать себя
людьми.

Глава 25. Последнее наступление

Часть III

Бой закончился только к вечеру.

Точнее, закончился настолько, насколько вообще может закончиться война.

Где-то далеко ещё гремели редкие выстрелы.

Над лесом медленно поднимался дым.

Воздух пах гарью, мокрой землёй и порохом.

Руслан сидел возле небольшого костра.

В руках была жестяная кружка.

Чай давно остыл.

Он этого даже не заметил.

Солдаты почти не разговаривали.

Каждый думал о своих.

Кто-то писал письма.

Кто-то молча чинил одежду.

Кто-то просто смотрел в огонь.

Павел подошёл первым.

На голове у него уже была свежая повязка.

Он неловко остановился возле Руслана.

— Можно?

— Конечно.

Павел сел рядом.

Долго молчал.

Потом вдруг сказал:

— Спасибо.

Руслан усмехнулся.

— За что именно?

— За жизнь.

Руслан покачал головой.

— Не благодари.

Когда-нибудь ты спасёшь кого-нибудь другого.

И мы будем в расчёте.

Павел улыбнулся.

— Обещаю.

Он поднялся и ушёл.

Руслан долго смотрел ему вслед.

Иногда человеку достаточно одной фразы, чтобы почувствовать ответственность за чужую судьбу.

Ночь снова была тихой.

Аббас сидел рядом и осторожно заводил часы Ивана Петровича.

Щёлк.

Щёлк.

Механизм снова ожил.

— Представляешь

— тихо сказал Аббас.

— Он ведь каждый вечер делал то же самое.

Руслан посмотрел на часы.

— Теперь ты.

Аббас усмехнулся.

— Получается

Чужие привычки тоже могут жить дальше.

Руслан кивнул.

— Наверное

Поэтому человек не исчезает сразу.

Пока кто-то говорит его словами.

Пока кто-то продолжает его дело.

Пока кто-то помнит.

Некоторое время оба молчали.

Потом Аббас неожиданно спросил:

— Боишься?

Руслан ответил не сразу.

Он долго смотрел в огонь.

— Да.

Аббас поднял глаза.

— Правда?

— Конечно.

Я боюсь каждый раз.

Боюсь не успеть.

Не увидеть Энже.

Не построить тот мост.

Не стать отцом.

Не состариться.

Он улыбнулся.

— Странно

Раньше я думал, что смелые люди ничего не боятся.

Теперь понял

Они просто идут вперёд вместе со своим страхом.

Аббас медленно кивнул.

— Наверное

Это и есть смелость.

Огонь тихо потрескивал.

Руслан вдруг спросил:

— Помнишь Алматы?

Аббас сразу рассмеялся.

— Конечно.

Как ты спорил с продавцом самсы двадцать минут.

— Потому что он неправильно считал сдачу.

— Нет.

Потому что ты был упрямый.

Оба засмеялись.

Наверное, впервые за много дней.

Потом Руслан добавил:

— Знаешь

Иногда мне кажется

Если бы тогда я не устроился на ту подработку

Мы бы никогда не встретились.

Аббас пожал плечами.

— Значит, Аллах так решил.

Руслан посмотрел на друга.

— Спасибо.

— За что?

— За всё.

Аббас нахмурился.

— Ты чего сегодня такой?

Руслан улыбнулся.

— Просто захотел сказать.

Иногда хорошие слова тоже нельзя откладывать.

Аббас ничего не ответил.

Только легонько толкнул его плечом.

— Сам потом спасибо скажешь.

Когда мы снова будем спорить возле твоего моста.

Руслан тихо рассмеялся.

— Договорились.

Поздно ночью командир обошёл лагерь.

Остановился возле их костра.

— Через два дня новое задание.

Более сложное.

Отдохните.

Пока есть время.

Он ушёл так же тихо, как пришёл.

Руслан проводил его взглядом.

Потом посмотрел на звёзды.

Они были удивительно яркими.

Словно совсем не знали, что происходит внизу.

Он подумал о матери.

Об отце.

О башне университета.

О письмах.

Об Эньже.

О доме, которого у них ещё не было.

И вдруг понял одну простую вещь.

Человек живёт не только прошлым и настоящим.

Иногда его держит на земле будущее, которого он ещё даже не видел.

Он ещё не знал

Что именно это будущее уже существовало.

За сотни километров от фронта.

Под сердцем Эньже.

Но пока об этом не знал никто.

Ни она.

Ни он.

Ни сама война.

Глава 26. Разные дороги

Часть I

Ночь почти закончилась.

В лагере ещё горели редкие костры.

Кто-то уже собирал вещмешок.

Кто-то спал, укрывшись шинелью прямо на земле.

Руслан не спал.

Он сидел возле едва тлеющих углей и смотрел, как над горизонтом медленно светлеет небо.

До рассвета оставалось совсем немного.

Позади слышались шаги.

— Опять не спишь?

Руслан улыбнулся.

— А ты будто спишь.

Аббас сел рядом.

В руках у него была жестяная кружка с горячим чаем.

Он молча протянул её другу.

Руслан сделал глоток.

Чай оказался крепким и очень горячим.

— Спасибо.

Аббас пожал плечами.

— Не привык благодарить друзей.

Несколько минут они сидели молча.

Огонь тихо потрескивал.

Где-то вдалеке просыпались птицы.

Руслан вдруг усмехнулся.

— Слышишь?

— Что?

— Птиц.

Аббас прислушался.

Действительно.

После нескольких дней непрерывных боёв их пение казалось почти невозможным.

— Странные они.

Руслан вопросительно посмотрел на друга.

— Кто?

— Птицы.

Им всё равно, кто сегодня победит.

Они просто встречают утро.

Руслан долго смотрел в сторону леса.

Потом тихо сказал:

— Наверное

Так и должно быть.

Природа не умеет воевать.

Это только люди научились.

— Подъём!

Голос дежурного разнёсся по лагерю.

Солдаты начали быстро собираться.

Через несколько минут всех построили.

Командир вышел вперёд.

Лицо его было непривычно серьёзным.

Он развернул карту.

— Сегодня подразделение разделяется.

Руслан и ещё двенадцать человек идут на восточный участок.

Аббас со своим отделением — на северный.

После выполнения задания встречаемся в резервной части.

Вопросы есть?

Никто не ответил.

Все понимали: приказы не обсуждают.

Когда строй распустили, Аббас догнал Руслана.

— Не нравится мне это.

— Что именно?

— Разделяться.

Руслан улыбнулся.

— Мы же не первый раз.

— Всё равно.

Руслан поправил ремень винтовки.

— Через пару дней снова будем сидеть у костра.

Ты опять скажешь, что мой чай похож на болотную воду.

Я опять скажу, что ты просто ничего не понимаешь.

Аббас рассмеялся.

— Нет.

Сначала ты проиграешь мне в шахматы.

— Я ни разу не проиграл.

— Потому что всё время находил повод закончить партию.

Руслан покачал головой.

— Это была тактическая ничья.

— Конечно.

Как всегда.

Они оба рассмеялись.

Смех прозвучал неожиданно громко среди военного лагеря.

Несколько солдат обернулись.

Кто-то даже улыбнулся.

Будто на мгновение все снова стали обычными людьми.

Руслан достал из внутреннего кармана небольшой конверт.

— Если вдруг

Аббас сразу перебил его.

— Нет.

Не начинай.

Руслан спокойно продолжил:

— Послушай.

Если вдруг почта опять перестанет работать

Передашь это Эньже.

Аббас посмотрел на конверт.

Потом снова на друга.

— Передашь сам.

Руслан усмехнулся.

— Надеюсь.

Но всё равно возьми.

Аббас нехотя взял письмо.

Покрутил его в руках.

Потом сунул обратно Руслану в карман.

— Нет.

Когда сам отдашь — тогда и будет правильно.

Руслан ничего не сказал.

Только улыбнулся.

— Упрямый.

— Это у тебя научился.

В лагере снова прозвучала команда строиться.

Время закончилось.

Каждый занял своё место.

Колонны начали расходиться в разные стороны.

Руслан вдруг остановился.

Обернулся.

— Аббас!

— Что?

Руслан несколько секунд молчал.

Будто хотел сказать что-то очень важное.

Но потом лишь улыбнулся.

— Береги себя.

Аббас усмехнулся.

— Сам себя береги.

Они подошли друг к другу.

Крепко обнялись.

Без лишних слов.

Без обещаний.

Потому что настоящие друзья редко говорят то, что и так понятно.

Когда они отпустили друг друга, Руслан сделал несколько шагов вперёд.

Аббас крикнул вслед:

— После войны приедешь в Кыргызстан!

Руслан, не оборачиваясь, поднял руку.

— Только если потом ты поедешь со мной в Алматы!

— Договорились!

Руслан ещё раз махнул рукой.

И медленно растворился среди уходящей колонны.

Аббас долго смотрел ему вслед.

Сам не понимая, почему сегодня ему так трудно отвести взгляд.

Он ещё не знал

Что видит своего лучшего друга в последний раз.

Глава 27. Победа близко*

Часть I

Утро встретило их густым туманом.

Руслан почти не видел солдат, шедших впереди.

Только силуэты.

Размытые.

Будто сама земля не хотела показывать людям то, что ждало их впереди.

Он поправил ремень винтовки.

За спиной тихо позвякивал котелок.

Каждый шаг отдавался тяжестью в ногах.

Ночь почти не принесла отдыха.

Но никто уже не жаловался.

Усталость давно стала такой же привычной, как холод.

Колонна двигалась медленно.

Командир время от времени останавливался.

Сверял карту.

Менял направление.

Руслан поймал себя на мысли, что машинально запоминает местность.

Небольшой холм.

Разрушенная мельница.

Высохшая река.

Если бы не война

Он бы уже думал, как построить здесь мост.

Эта мысль неожиданно вызвала улыбку.

Павел, шедший рядом, заметил это.

— Чего улыбаешься?

Руслан посмотрел вперёд.

— Представил

Как после войны буду жаловаться рабочим.

— На что?

— Что они криво бетон заливают.

Павел тихо рассмеялся.

— Ты неисправимый.

— Наверное.

Через несколько часов они сделали короткую остановку.

Солдаты расселись прямо на земле.

Руслан достал из кармана маленькую фотографию.

Единственную.

Энже стояла возле университета.

Ветер тогда всё время пытался растрепать её волосы.

Он вспомнил тот день до мелочей.

Как она смеялась.

Как поправляла шарф.

Как спорила с ним о том, что красивые здания важнее мостов.

Он провёл пальцем по краю фотографии.

И тихо сказал:

— Ещё немного

Совсем немного

Павел сделал вид, что ничего не услышал.

Иногда человеку нужно дать возможность поговорить с тем, кого нет рядом.

— Подъём!

Привал закончился.

Колонна снова двинулась вперёд.

Туман постепенно рассеивался.

Впереди начали вырисовываться разбитые дома.

Когда-то здесь жили люди.

Теперь ветер свободно гулял по пустым улицам.

Руслан поднял с земли детский деревянный кубик.

На одной стороне была нарисована буква.

Он покрутил его в руках.

Потом аккуратно положил на подоконник разрушенного дома.

Почему-то ему не хотелось, чтобы тот остался лежать в грязи.

До позиции оставалось совсем немного.

Командир неожиданно остановился.

— Дальше осторожно.

Разведка сообщает

Договорить он не успел.

Первый взрыв прогремел впереди.

Потом второй.

Земля вздрогнула.

Павел инстинктивно пригнулся.

Руслан бросился к ближайшей воронке.

Над головами засвистели осколки.

Воздух за одно мгновение снова стал тяжёлым.

Запах дыма ударил в лицо.

Война догнала их быстрее, чем они успели подготовиться.

— Вперёд!

Руслан поднялся.

Побежал.

Он уже не считал время.

Не думал о страхе.

Он видел только людей рядом.

Павел.

Командир.

Санитар.

Чужие лица.

Свои лица.

Все смешались в дыму.

Раздался ещё один взрыв.

Земля взлетела вверх.

Руслан упал на колени.

Поднялся.

Сделал ещё несколько шагов.

И в этот момент

Совсем рядом вспыхнул ослепительный свет.

Такой яркий

Что на одно короткое мгновение ему показалось, будто он снова стоит перед университетом.

Под башней с часами.

Эньже смеётся.

Аббас зовёт его.

Студенты куда-то спешат.

Часы показывают без пяти девять.

Он улыбается.

И делает последний шаг навстречу этому воспоминанию.

Глава 27. Победа близко*

Часть II

Первый взрыв разорвался в нескольких десятках метров.
Земля взметнулась вверх.

Комья мерзлой грязи ударили Руслана по лицу.

Он машинально вытер глаза рукавом.

Ещё не успел вдохнуть, как воздух снова разрезал свист.

— Ложись!

Солдаты почти одновременно рухнули на землю.

Через мгновение прогремел второй взрыв.

Он был уже гораздо ближе.

Руслан почувствовал, как под ним дрогнула земля.

На секунду показалось, будто сама планета устала держать
на себе эту войну.

— Вперёд!

Командир первым поднялся из воронки.

Руслан побежал следом.

Вокруг всё смешалось.

Дым.

Огонь.

Крики.

Выстрелы.

Где свои, где чужие — понять становилось всё труднее.

Он перескочил через поваленное дерево.

Рядом кто-то закричал.

Руслан обернулся.

Павел лежал возле разбитой стены.

Осколок распорол шинель.

Нога не слушалась.

— Руслан

Тот даже не задумался.

Под огнём добежал до него.

Схватил под плечи.

— Вставай!

— Не могу

Руслан резко дёрнул его вверх.

— Сможешь.

Ты обещал мне после войны жить.

Значит, будешь.

Павел, стиснув зубы, поднялся.

Руслан почти силой дотащил его до ближайшей воронки,
где уже работал санитар.

— Забирайте!

Санитар коротко кивнул.

— Успеем.

Руслан не стал ждать благодарности.

Он сразу побежал обратно.

Бой продолжался.

Время исчезло.

Не было ни часов.

Ни минут.

Только мгновения между взрывами.

Иногда Руслан ловил себя на странной мысли.

Он больше не думал о смерти.

Он думал только о следующем шаге.

Потом ещё об одном.

И ещё.

Будто вся жизнь вдруг сократилась до расстояния между двумя вдохами.

Из-за полуразрушенного сарая выбежал совсем молодой связной.

Почти мальчишка.

Он нёс сумку с документами.

В следующую секунду рядом ударила очередь.

Парень упал.

Сумка отлетела в сторону.

Руслан бросился к нему.

— Живой?

Тот открыл глаза.

Испуганные.

Совсем детские.

— Кажется

Руслан поднял сумку.

Передал её связному.

— Держи крепче.

Это сейчас важнее нас обоих.

Парень смотрел на него несколько секунд.

Потом тихо спросил:

— А если

если не успеем?

Руслан неожиданно улыбнулся.

Улыбкой человека, который сам не знает ответа.

— Тогда будем успевать до последнего.

Небо снова раскололось от грохота.

На этот раз ещё ближе.

Настолько близко, что у Руслана заложило уши.

Он почти ничего не слышал.

Только глухой звон.

Словно кто-то бесконечно бил по огромному колоколу.

Мир превратился в немое кино.

Люди что-то кричали.

Но звука не было.

Руслан сделал несколько шагов вперёд.

И вдруг остановился.

Прямо перед ним лежал небольшой детский плюшевый медведь.

Грязный.

Порванный.

С одним глазом.

Наверное, когда-то он принадлежал ребёнку, который

жил в этом доме.

Руслан поднял игрушку.

На секунду замер.

Неужели после нас дети будут помнить войну вот так?

Он осторожно положил медвежонка на подоконник уцелевшего окна.

Туда, где его не затопчет сапог.

Всего одно движение.

Совсем маленькое.

Но именно в такие секунды человек остаётся человеком.

— Руслан!

Командир махнул рукой.

— За мной!

Руслан бросился вперёд.

За дымом уже почти ничего не было видно.

Он только успел заметить силуэт командира, исчезающий в белёсой пелене.

Руслан крепче сжал винтовку.

И побежал следом.

Не зная, что впереди его ждут последние минуты той жизни, которую он так отчаянно мечтал вернуть.

Глава 27. Победа близко***

Часть III

Дым становился всё гуще.
Командир почти исчезал впереди.
Руслан бежал, едва различая силуэты своих.
Каждый вдох обжигал лёгкие.
Казалось, что воздух превратился в пыль.
Он перепрыгнул через широкую воронку.
Сапог соскользнул с мокрой земли.
На секунду потерял равновесие.
Но сразу поднялся.
Впереди уже слышались голоса.
— Санитара!
— Быстрее!
— Он ещё жив!
Руслан увидел молодого бойца.
Тот лежал возле перевёрнутой повозки.
Совсем мальчишка.
Наверное, ему не было и двадцати.
Он пытался подняться.
Но снова падал.
Руслан подбежал.

— Держись.

Сейчас.

Он перекинул руку солдата себе через плечо.

Медленно потащил его к укрытию.

Каждый шаг давался всё тяжелее.

Парень вдруг тихо спросил:

— Товарищ

Мы

Мы победим?

Руслан посмотрел ему прямо в глаза.

И впервые за долгое время ответил не как солдат.

А как человек.

— Обязательно.

Иначе всё это не должно было случиться.

До укрытия оставалось всего несколько метров.

Руслан почти донёс его.

Навстречу уже бежали санитары.

Один из них перехватил раненого.

— Дальше мы!

Руслан кивнул.

Сделал шаг назад.

Только сейчас почувствовал, как сильно дрожат руки.

Он устало прислонился к разрушенной стене.

Закрыв глаза всего на секунду.

И вдруг

Совершенно неожиданно

Вспомнил запах яблок.

Осенних.

Из сада возле дома.

Отец тогда стоял на лестнице.

Срывал самые верхние.

А мать снизу ворчала, что он опять полез слишком высоко.

Руслан улыбнулся.

Странно.

Почему память именно сейчас выбирает такие мелочи?

Не первый поцелуй.

Не университет.

Не войну.

А обычный осенний день.

Он открыл глаза.

Перед ним снова была разрушенная улица.

Пыль медленно оседала.

Снег, смешанный с землёй, стал почти чёрным.

Руслан сделал глубокий вдох.

Поправил ремень винтовки.

И вдруг поймал себя на мысли:

Когда всё закончится я обязательно научусь жить медленнее.

Раньше он всё время куда-то спешил.

Учёба.

Работа.

Чертежи.

Экзамены.

Письма.

Ему казалось, что впереди бесконечно много времени.

Теперь он понял.

Человеку никогда не бывает мало дней.

Ему всегда не хватает одного.

Того, который он ещё не успел прожить.

— Руслан!

Командир снова махнул рукой.

Впереди начиналось новое наступление.

Он побежал.

Вокруг снова загремела артиллерия.

Земля дрожала под ногами.

Ветер нёс гарь и снег.

Руслан больше не смотрел по сторонам.

Только вперёд.

Ещё несколько шагов.

Совсем немного.

Он уже видел своих.

До них оставались считанные метры.

И в этот миг

Мир озарила ослепительная белая вспышка.

Такая яркая, что исчезли дым, снег и разрушенные дома.

На одно короткое мгновение он снова оказался там.

Под башней университета.

Часы показывали без пяти девять.

Студенты торопились на пары.

Аббас смеялся, пытаясь догнать его.

Эньже стояла у входа.

Увидев Руслана, она улыбнулась той самой улыбкой, которую он помнил лучше собственного отражения.

Она подняла руку.

Будто звала его к себе.

Руслан улыбнулся в ответ.

И сделал шаг.

Тишина.

Глава 28. Последнее письмо

Поезд медленно покачивался на рельсах.

Аббас сидел у окна.

За стеклом мелькали деревни.

Поля.

Реки.

Люди спешили по своим делам.

Дети бежали вдоль платформ, махая проходящему соста-

ву.

Жизнь продолжалась.

Будто войны никогда не было.

Он осторожно положил ладонь на внутренний карман ши-

нели.

Там лежал конверт.

Слегка помятый.

На нём было написано всего одно слово.

Эньже.

Аббас так и не открыл его.

Ни разу.

Он не имел на это права.

Иногда уважение к другу измеряется не словами.

А тем, что ты способен сохранить его последнюю тайну.

Он вспоминал тот день снова и снова.

Возвращение в часть.

Пустой лагерь.
Знакомые лица.
Чужая тишина.
Он спросил:
— Где Руслан?
Никто не ответил.
Только старший лейтенант медленно снял фуражку.
Этого оказалось достаточно.
Аббас больше не задавал вопросов.
Потому что иногда молчание говорит громче любых слов.
Поезд остановился.
Дальше он шёл пешком.
Каждый шаг становился тяжелее.
Он много раз представлял эту встречу.
Думал, что скажет.
Но сейчас понял
Никаких слов не существует.
Он остановился возле знакомого дома.
Несколько секунд просто смотрел на дверь.
Потом тихо постучал.
Изнутри слышались шаги.
Дверь открылась.
Эньже.
Она улыбнулась.
Так улыбаются людям, которых очень долго ждали.
Её глаза сразу начали искать кого-то за спиной Аббаса.

Улыбка медленно исчезла.
Она ничего не спросила.
Только долго смотрела ему в глаза.
Потом перевела взгляд на его дрожащую руку.
В ней был конверт.
Она сразу всё поняла.
Аббас протянул письмо.
Но отпустить его смог не сразу.
Пальцы словно перестали слушаться.
Наконец конверт оказался в руках Эннже.
Аббас опустил голову.
По его щекам впервые за всю войну покатались слёзы.
Он прошептал:
— Прости
Я не смог
Больше он не произнёс ни слова.
Эннже медленно открыла письмо.
Бумага дрожала в её руках.
Она сразу узнала почерк.
Ошибок стало меньше.
Почерк стал ровнее.
Руслан учился.
Даже на войне.
Она начала читать.

Любимая.

Не знаю, когда ты прочитаешь это письмо. Надеюсь, ско-

ро. Очень хочется верить, что почта в этот раз не потеряется.

Сегодня наконец выдалось немного тихого времени. Даже странно писать тебе не под грохот снарядов. Сижу возле разрушенного дома, а рядом растёт маленькая берёза. Не знаю, как она здесь уцелела. Вокруг почти ничего не осталось, а она стоит. Наверное, деревья сильнее людей. Они не умеют ненавидеть.

Я часто думаю о нашем последнем вечере.

Помнишь, ты тогда смеялась надо мной, потому что я опять говорил про мосты?

Ты сказала, что инженер может увидеть красоту даже в бетоне.

Я тогда спорил.

А сейчас понял

Красивым место делают не стены.

И не мосты.

А человек, который стоит рядом.

Наверное, поэтому мне так хочется домой.

Туда, где есть ты.

Иногда я представляю нашу будущую жизнь.

Небольшой дом.

На кухне пахнет горячим хлебом.

За окном идёт дождь.

Ты читаешь книгу.

А я опять черчу какой-нибудь мост и делаю вид, что

очень занят.

Потом ты подходишь.

Смотришь на чертёж.

И говоришь, что всё равно ничего не понимаешь в этих линиях.

Я смеюсь.

Потому что мне всегда нравилось объяснять тебе то, что ты специально не понимала.

Знаешь

Раньше я мечтал построить самый красивый мост.

Теперь мечтаю построить самую счастливую жизнь.

И мне кажется

Вторая мечта намного сложнее.

Береги себя.

Не забывай иногда отдыхать.

И, пожалуйста

Не переставай играть на пианино.

Мне кажется, когда ты играешь, даже война где-то далеко становится немного тише.

Я скоро вернусь.

Мы ещё обязательно погуляем.

Я обещаю.

А свои обещания я всегда стараюсь выполнять.

Очень скучаю.

Очень люблю.

Твой Руслан.

Эньже дочитала.

Несколько секунд просто смотрела на последние слова.

Потом осторожно прижала письмо к груди.

Слёзы падали на бумагу.

Размывая чернила.

Она хотела что-то сказать.

Но не смогла.

Перед глазами всё поплыло.

Письмо медленно выскользнуло из рук.

Мир начал темнеть.

Последнее, что она услышала, — испуганный голос Аббаса.

Потом наступила тишина.

Когда Эньже открыла глаза, над ней был белый потолок.

Пахло лекарствами.

У кровати сидела пани Мария.

Она молча держала Эньже за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.